ПОКОЛЕНИЕ

№1 (10) 2015

Есть только одна свобода – выяснить свои отношения со смертью.

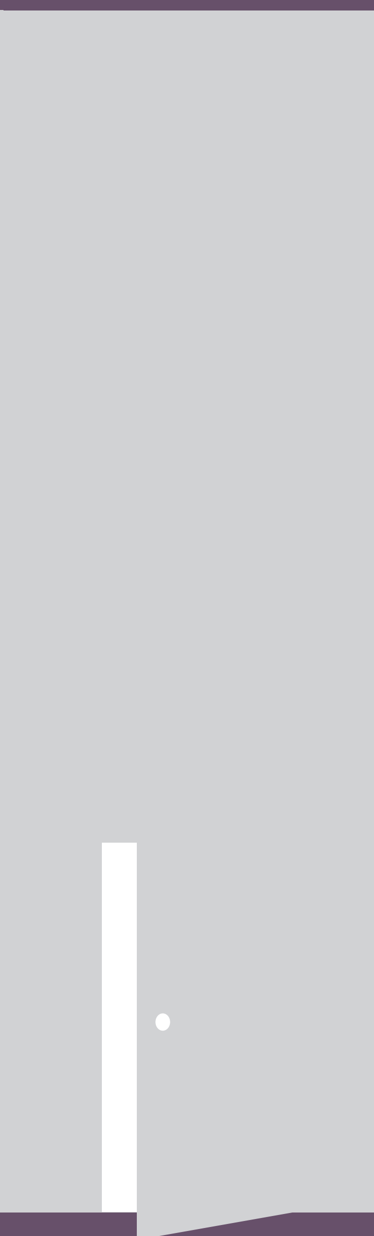
Альбер Камю

Истинно, истинно говорю вам: если пшеничное зерно, пав в землю, не умрёт, то останется одно; а если умрёт, то принесёт много плода.

Святое Евангелие от Иоанна 12:24

Благородная душа! Хотя ты и благоденствуешь, но всё-таки сердце что-то болит по тебе.

Тератургима. Сборник эпитафий



ТАИНСТВО СМЕРТИ

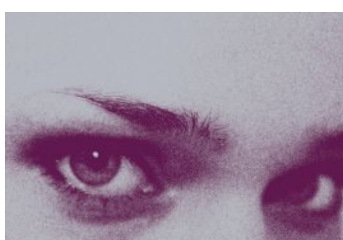
10 9 8 7 6 5

pknews.by

http://vk.com/pokolenie_by

ВСЁ, ЧТО ЕСТЬ

ПОКОЛЕНИЕ 1 (10) 2015



Между тем в великую минуту великое и чувство должно овладеть человеком.

Н.В. Гоголь

фото Ольги Шабунько

ЖДЁТ ЛИ НАС БАРОККО?

Милый снимок. Круглая столешница, фрукты, букет с чем-то садово-полевым и прекрасная дочь моего коллеги, сидящая в центре кадра в ползунах и с улыбкой Моны Лизы. Подпись: «Весенний натюрморт». В три секунды в голове предательски выстроилась цепочка из значений и отсылок к истории натюрморта, которая разрушила всю магию и воздушность подписи так же, как персидские мастера разрушили «Слуцких ткачих».

Елена Бабич

главный редактор

Ладно, разрушили – это перебор, но всё же. Всё же, всё же... Всё же ничего живого в натюрморте быть не должно (прости, что выдала твою творческую ошибку, любезный господин N, но это нужно для дела). Дело, кстати, очень серьёзное – дело жизни и смерти. «Memento mori» – говорили голландские художники, писавшие в XVII веке яблочки, черепа и тушки гусей. Кажется, барочные творцы убегали тогда в тщетность, бренность и «суету сует», скрываясь от вымотавшего всех Возрождения. Удивительные вещи: зачем скрываться от бушующей жизни в смерти? Или нет – может быть, их просто не устраивал тот взрывной и румяный вариант жизни, может быть, с помощью смерти они опровергали его, вторя кольцу царя Соломона: «И это пройдёт».

Складывается впечатление, что в XVI- XVII веках в Европе вообще только тем и занимались, что выясняли свои отношения со смертью. И немудрено, ведь предыдущая эпоха, воспевшая величие плоти, почти обрекла потомков на неверие в смерть. Но увы, смерть не заметить сложно. А что происходит в уме, когда человек верит в одно, а видит совершенно другое? Минимум – «пичалька», максимум – уныние. Итальянцы смеялись сквозь слёзы, испанцы разочаровывались, французы надменно шутили, а немцы воспевали тление. Но удивительное дело – человечество не спилось, не развратилось вконец, не ушло в магизм, не устроило массового самоубийства, сохранило семью. Оно временно ушло в «позолоченный» мир высокого и избранного, снобистского, если хотите, но ведь не умерло. Почему?

Христианство. У них было христианство. То самое, которое сожгло зеленоглазых барышень и подбросило дров в костёр Джордано Бруно. И надо же – спасло Европу, отделив науку от бабушкиных сказок.

«Ну и методы у этих спасателей, хочу я вам сказать». Положим, о методах из XXI века не нам судить, а факт остаётся фактом. Да и вообще неизвестно, какие методы вскорости нужно будет применять к нам в нашем веке. Ситуация ровно та же. Правда, есть одно исключение – теперь у нас почти нет христианства. А сами мы скорее устроим конец света, чем уйдём в мир высоконравственного. И кто же будет нас спасать? «Пушкин!» – ответила бы моя бабушка. Но, по-моему, он тоже в сговоре с деятелями барокко:

Сердце в будущем живёт;
Настоящее уныло:
Всё мгновенно, всё пройдёт;
Что пройдёт, то будет мило.

Словом, спасать нас от смерти некому. Кроме Господа, разумеется. Так что, как говорят всем новым сотрудникам больших офисов, «если есть желание и возможность, мы всегда можем работать вместе». А иначе – полный натюрморт.

Анфас

Часто жизни смерть нежней.
Научи меня, Всевышний,
Если смерть войдёт неслышно,
Улыбнуться тихо ей.

Евгений Евтушенко

фото Игоря Ждановича

ЕЛЕНА БАБИЧ

Священник Александр Хомбак:

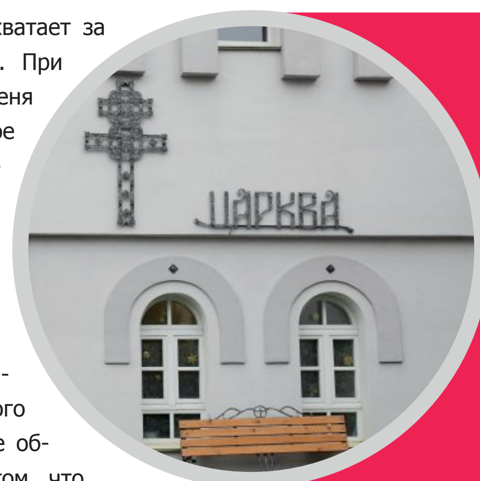
«СМЕРТЬ ЧЕЛОВЕКА – ЭТО СЛИШКОМ МАСШТАБНО»

Обсуждаем вопросы жизни и смерти с настоятелем прихода храма в честь святителя Луки Войно-Ясенецкого при Гродненской областной клинической больнице, протоиереем Александром Хомбаком.

– Почему вы посвящаете теме смерти такую большую часть жизни? Вам интересна смерть?

– Ещё когда я был диаконом, со священниками мы приезжали сюда в областную больницу, я помогал причащать больных, разговаривал с ними. Очень часто люди приходили и говорили о том, как им страшно умирать. Я пытался их утешить, но советы были какие-то плоские. Брал их из святых отцов, но всё равно... Я стал интересоваться темой и даже поступил на факультет психологии только с одной целью – найти правильные слова, чтобы общаться с людьми, которые подошли к этой границе. Смерть – это удивительное дело! Если не знаешь умирающего, кажется: умрёт и умрёт, все так. Но если хоть немного познакомишься, понимаешь, что человек – это огромный мир. Это мир желаний, воспоминаний, надежд, мир любви. И вдруг мир вырывается из контекста жизни. И мир уничтожается. Смерть человека – это слишком масштабно.

Тогда у меня появился выбор: общаться с умирающими как священник из притчи о милосердном самарянине: видеть страдания и проходить мимо, потому что у меня есть какие-то очень высокие цели, – или всё-таки обратиться к людям, чтобы попытаться осмыслить последние дни их жизни. При этом вопрос «как?» никуда не исчез. В последние секунды жизни у человека широко открыты глаза, зрачки большие, частое дыхание, он хватает за руку – ему страшно. При виде всего этого у меня возникало тяжёлое чувство: ты понимаешь, что человек боится, и не можешь помочь ничем.



храм в честь святителя Луки Войно-Ясенецкого

В то время я был знаком со священником Евгением Малиновским, у которого было психологическое образование. Узнав о том, что мне не по силам найти правильные слова, он порекомендовал обратиться к работам профессора Андрея Владимировича Гнездилова, который посвятил жизнь изучению темы смерти. Познакомился с его книгой «Психология и психотерапия потерь», и она стала меня очень сильно менять внутренне. Это было как раз то, что я искал: не отвлечённые красивые, пафосные или, наоборот, равнодушные фразы, а слова, которые могут человека отрезвить, дать ему возможность прийти в себя и последние минуты жизни провести осмысленно и в радости.

Конечно, и богословские книги помогают, но, как правило, приходится иметь дело с людьми малорелигиозными, ко мне они обращаются только

«Я никогда не слышал, чтобы человек говорил «я умру» по-настоящему. Если такое и звучит, то гипотетически – он, возможно, умрёт, но никогда нет ощущения, что он умрёт вообще»

Священник Александр Хомбак

из-за страха. Батюшка для них – представитель идеи вечной жизни. Мало того, у терминальных больных есть так называемая «психологическая вязкость» – они всегда задают правильный для них вопрос: «почему я?» На него тоже нужно доступно отвечать.

– Что меняется в человеке, который видит много смертей?

– Это не оставляет равнодушным, приходилось обращаться к психологам за поддержкой – не хватало эмоционального ресурса. От попыток помочь до невероятного страха собственной смерти очень короткий путь. Потому что смерть хоть и очень глобальна, но очень некрасива. Даже если человек умирает от старости, это трагично.

– Кому тяжелее всего умирать?

– Всегда больно видеть смерть людей влиятельных или очень богатых. Потому что им есть что терять: власть или деньги сильно держат их на этой земле. В жизни каждого есть этап падения с вершины популярности до любого вида смерти: социальной, психологической, биологической – какой угодно. Он страшен, потому что человек теряет всё, что накопил. Этот момент подводит итог жизни, показывает, чего на самом деле умирающий достиг, как он сумел вырасти «в меру роста Христова».

Я никогда не слышал, чтобы человек говорил «я умру» по-настоящему. Если такое и звучит, то гипотетически – он, возможно, умрёт, но никогда нет ощущения, что он умрёт вообще. Но когда он лицом к лицу со смертью, весь его огромный мир сдувается на глазах, разлагается, и с чем человек остаётся? Чаще всего он остаётся с пустотой. И он пытается за эту пустоту схватиться. Деньги, власть, награды – это попытка убежать от смерти. Отношение к ней у человека формируется всю жизнь, и от итога будет зависеть то, насколько красиво или некрасиво он будет умирать.

Женщины более или менее одинаково умирают, они психологически гораздо крепче мужчин, им легче принять собственную смерть. Но мужчины умирают очень по-разному, и, как правило, те, кто имеет положительный опыт религиозных переживаний, не теряют лица в этот момент. Им так же больно, им так же страшно, но есть стержень, который даёт им возможность достойно умереть.

– А самоубийцам не страшно умирать?

– Когда человек собирается совершить самоубийство, он находится в состоянии гнева или отчаяния. При этом нет разумного взгляда на своё положение, смерть в данном случае – это уже не свободный выбор, поэтому страха нет. Если человека удаётся удержать от необдуманного шага, потом он оценивает то, что мог сделать с собой,

и ужасается. Это, кстати, хорошо отображено вот в таком анекдоте. Пришёл мужик в парк, повесил петлю на дереве: ну, думает, всё – конец. Вдруг видит – лежит недокуренная сигарета. «Ладно, – говорит, – всё равно повешусь, докурю до конца». Докурил, бросил бычок, повесил опять петлю на шею, стал прощаться. Смотрит – стоит недопитая бутылка водки. «Ладно, – думает, – допью». Опустошил, посмотрел на петлю и говорит: «Хм, так жизнь налаживается!»

– Так или иначе, все знают, что умрут, а что чаще всего делают с этим знанием?

– Чаще всего стараются о нём не думать – «смерти нет». Всему виной секулярное отношение, которое хорошо видно на примере современной Европы: человек умирает, его не видят родственники, погребением занимаются специальные конторы, человека гримируют так, что весь его внешний вид говорит, что он как бы и не умирал. Ему и свет, ему и воздух… Родственники не остаются до конца похорон.

Есть ещё псевдорелигиозное отношение к смерти, когда говорят: «Мы все умрём, хотим того или нет». Оно не христианское, потому что и в этом случае человек, ожидает смерти, но не думает о ней.

Православное отношение формируется на фундаменте предпасхальных переживаний. Прочитал однажды у священника Саввы Совердинского очень интересное замечание о Страстной Седмице: через эти дни красной нитью проходит идея смерти, она показывается с разных сторон, меняется глубина переживаний. Вторник – подготовленность смерти, среда – нелепость смерти, четверг – ожидание смерти, пятница – боль смерти. Пережив эти состояния, мы вдруг приходим к празднику Воскресения Христова. Конец – это жизнь. Это не значит, что у христиан другая логика, просто жизненный опыт совершенно иной.

– Насчёт правильных слов. Много раз слышала фразу «нет, нужно не так, нужно по-другому». Но как по-другому? Это всегда зависит от ситуации или есть что-то такое, что нужно знать всем?

– Я обратил внимание на такую удивительную вещь – глубина человеческих переживаний всегда предельно простая. Важно знать, как ею пользоваться. Так вот, для умирающего человека не нужны никакие определённые слова, ему нужно просто сопереживание. В университете я проводил исследование, в котором изучал страхи, связанные со смертью. Кто-то боялся того, что будет обузой для родных, кто-то боялся боли, кто-то боялся потерять разум и быть «растением». Таких страхов много. Но самый последний и сильный страх – я спрашивал это у людей с разной степенью умирания – это страх одиночества во время смерти. Именно поэтому я так много говорю о важности сопереживания.

– Говорить что-то вроде «Бог дал – Бог взял» жестоко. Говорить иное, может быть, нечестно. Что вы говорите?

– Я стараюсь так никогда не говорить. Это интересно и понятно для человека, который находится внутри религиозной традиции, потому что за идеей Бога у него есть личный опыт. Но таких людей мало, и это было бы нетактично с моей стороны. Тем более что Бога для них не существует. Это то же самое, что сказать: «Пустота дала – пустота взяла. И ты – пустота».

Доктор Гнездилов, открывший самый первый на постсоветском пространстве хоспис, рассказывал, что после того, как туда приходил священник, люди умирали группами. Все врачи стали возмущаться – что это за колдун такой, придёт – все сразу умирают? Гнездилов как учёный разобрался, в чём же дело: оказывается, после прихода священника люди разрешали себе умирать. Священник воспринимался как надежда, оправдание, как идея любящего Бога, Который принимает всех. Особенно если священник умеет сопереживать. Сопереживание ведь не требует каких-то особых знаний, можно просто помолчать и внимательно послушать, что человек говорит, не перебивать его, не демонстрировать, что у тебя нет времени. Показать, что он для тебя важен сейчас, и он может сказать всё, что посчитает нужным. Когда есть сопереживание, есть и примирение с собой, а значит, смерть становится достаточно лёгкой.

– Какой должна быть правильная смерть?

– Человек проходит несколько психологических этапов прежде, чем умереть: фазу торга, фазу отрицания, фазу агрессии, и в конечном итоге

наступает фаза примирения. Когда человек примиряется с самим собою, со смертью, с близкими, он как бы дистанцируется от мира. Священник ли, психолог ли может помочь умирающему преодолеть все деструктивные фазы и прийти к мирному состоянию. Люди, находящиеся в фазе примирения, впечатляют меня до сих пор – жизнь для них вдруг открывается совершенно по-новому. Например, лежит женщина, которая два с половиной года живёт в режиме «месяц в больнице, неделя дома». Она уже и подниматься может с трудом. Исповедуется, причащается. И вот, особенно весной или летом, когда окно открыто, смотрю на неё – лицо просветлённое. Спрашиваю: «Ну как вы сейчас?» Всегда говорит – хорошо, радостно, светло. И человек понимает, что жить ему в этой светлости осталось совсем немного. Но как меняется глубина ощущений, восприятие жизни! Последние дни переживаются так интенсивно, что впечатлений накапливается столько, сколько у другого – за всю жизнь. Если человек живёт в этой фазе, то и смерть он встретит спокойно.

– Что делать с новостью о смерти?

– Есть страны, в которых закон запрещает утаивать от больного новость о скорой смерти. У нас такого закона нет, поэтому, как правило, известие сообщают родственникам под большим секретом. Родственники теряются, и начинается игра в «ктокогообманет». Терминальный больной обманывает, что он якобы не знает о смерти, а родные – что якобы не знают они. Одна ложь рождает другую, в итоге человек приходит в храм и говорит: «Батюшка, я знаю, что умру, но мне очень сложно разговаривать с людьми, потому что к кому ни приду, только и слышу: «О-о, мы ещё на твоей свадьбе погуляем!» или «Ты до ста лет доживёшь!». Формируется всё тот же последний страх смерти в одиночестве. Ведь даже если рядом находятся близкие, можно быть одиноким – когда все мы «на свадьбе погуляем», а человек делает последнее дыхание в жизни, это, конечно, очень неприятно.

В нашем храме мы пытаемся немножко отвлечь людей от этих переживаний. Потому что даже сам человек не знает, что будет происходить с ним в момент приближения смерти. Повторю, что смерть всегда очень некрасива, очень неожиданна, и быть как-то правильно готовым к этому практически невозможно. Мы, христиане, когда совсем тяжело, говорим: «Господи, помоги, держи, не дай потерять лица, дай мне возможность достойно Тебя встретить» – мы можем разговаривать с Богом, а Бог может с нами разговаривать через священное писание. Но людей неверующих эта неожиданность потрясает.

– Как развивается «заговор против смерти», о котором говорил отец Александр Шмеман?

– Чем серьёзнее цивилизация, чем больше надежд на то, что человек будет жить вечно, тем тяжелее воспринимается каждая утрата. Тем больше будет и стремление сделать смерть невидимой.

Когда говорят, что завтра найдут лекарство от рака, а тебе сегодня умирать, это печально. Ради светлого будущего хочется приукрасить реальность и сказать «да, он умер, но это пока не считается». Люди пытаются не заметить нынешнюю смерть, не пасть духом, чтобы было куда развиваться. Умирающему от этого только тяжелее.

– А что это отнимает у живых – у родственников?

– Отнимает идею правильной смерти. Если человек никогда не видел смерти, она обрушивается на него невыносимой стеной. Да, мы видим смерть в фильмах, в СМИ, но это всегда смерть дистанцированная, посторонняя, она никак меня не касается. Я сижу, пью кофе и смотрю на то, как воюют люди в Украине, друг в друга стреляют, тела разбросаны, но оцениваю эту ситуацию как человек со стороны. А когда ты видишь смерть близкого – она потрясает. Тогда и к идее собственной смерти уже можно привыкнуть.

Смерть после грехопадения и до второго Пришествия Христа главенствует в мире. Она во всём, куда ни глянь. Если человек этого не замечает, у него всё приукрашено – и вдруг он окажется лицом к лицу со смертью, для него это груз непосильный: отсюда и наркотики, суициды.

«Ради светлого будущего хочется приукрасить реальность и сказать «да, он умер, но это пока не считается»

– Откуда появляется интерес к смерти у тех, кто совсем не собирается умирать? Инфернальные образы в рок-музыке, например.

– Смерть – тайна, она может быть интересна, но афишировать её было бы неправильно, потому что всё-таки мы ориентированы на жизнь, на осмысленность, на радость, на полноту, на любовь. Интерес к смерти, например, у подростков связан с возрастным изменением системы ценностей. У взрослых всякое случается. Как-то посмотрел передачу о людях, которые торгуют засушенными головами через интернет. Если степень интереса такая, то, на мой взгляд, это люди, которые пережили психологическую травму, связанную со смертью. Что-то сильно перевернуло их отношение к миру, и смерть стала вдруг главенствующей – она ведёт их по жизни. Пусть даже здесь речь идёт о деньгах, всё равно можно говорить о какой-то девиации поведения. Смерть всегда хороша тем, что она сокрыта.

– Во время умирания – в этот небольшой отрезок жизни – что самое важное?

– Как умирание происходит чаще всего? Вот человек уже на грани жизни и смерти. Жить он уже не может – физиология не позволяет. Умирать он ещё не хочет и немножко сопротивляется. Если в этот момент приходят родные и начинают громко кричать «На кого ты нас покинул?!» и ещё что-то в таком духе, то человек зависает в агонии. Это состояние очень мучительное, оно может длиться очень долго и эмоционально вымотать всех родственников.

Конец жизни – это квинтэссенция всех отношений, которые человек выстроил со своими близкими. Пока человек жив, пусть он даже в агонии, важно, чтобы близкие находились рядом. Сидели, держали его за руку, вспоминали самые светлые минуты жизни. Это нужно для того, чтобы появилось состояние благодарности за всё, что было. Важно помнить, что это самые драгоценные минуты жизни. Ради этих минут родители дали своим детям жизнь, ради этих минут они делали усилия, зарабатывали деньги, отказывались от себя. Это самые радостные и самые светлые минуты. Умирание происходит тихо. В эмоциональной тишине, в радости и светлости.

– Почему период «отпускания себя» такой долгий?

– Потому что там страшно, там непонятно. Врач тянет больной зуб, ты это чувствуешь и невольно тянешься за щипцами – то же самое и здесь.

Человек начинает быстро и часто дышать, потом он в какой-то момент делает глубокий-глубокий вдох, а затем невероятно долгий выдох. И наступает тишина. Удивительная тишина. Когда-то архиепископ Пермский и Соликамский Афанасий (Кудюк) выступал у нас в семинарии и обратил на это внимание, он сказал «наступает оглушительная тишина». Я всё не мог понять, как это – «оглушительная тишина»? Позже я сам почувствовал, что в момент смерти все звуки в мире действительно замирают. И очень важно для близких посмотреть на своё внутреннее состояние в эти минуты. Часто это состояние удивительной радости, как ни странно. Святитель Феофан Затворник называет это радостопечалием. Печаль от разлуки, но радость от того, что всё равно будет соединение. Радость от того, что человек с Богом. Это не зависит от религиозного опыта человека.

У меня за все эти годы было, может быть, два-три случая, когда вместо радости охватывал страх настолько сильный, что я чувствовал покалывание в ногтях. Хотелось всё бросить и бежать. От чего это зависит? Видимо, от того, как человек жил, к чему он направлялся.

В моей священнической практике было несколько случаев, когда я не мог произнести разрешительную молитву над умирающими. Тогда мне приходилось обращаться за помощью к другим священникам. Однажды меня пригласили к пожилым людям, которые в 60-е годы работали в облисполкоме. Их задача заключалась в том, чтобы разлучать семьи религиозных людей: они давали новые фамилии отобранным у родителей детям и отправляли их в разные концы Советского Союза. Они много плакали, хотели исповедоваться. И вот я слышу всё это, а у меня только-только родилась дочка. Долго мы её ждали, жена всё время лежала на сохранении. Я смотрел на эту пару и думал: вот найдутся такие удивительные люди, им скажет кто-то из начальства забрать у меня эту дочку, отдать в чужие руки, а меня посадить в тюрьму и дать моим детям другие фамилии, чтобы я их никогда не нашёл. Это как? Они страдали, но я не смог прочитать над ними разрешительную молитву. Попросил духовника.

То, что эта семья оказалась в таком положении пред смертью, – не случайность. К концу жизни у людей, которые умеют думать, чаще всего происходит переоценка ценностей. Это связано с возрастными изменениями, подготовкой к смерти. Когда человек занимается в жизни какой-то деструкцией, он должен понимать, что обязательно наступит такой момент переоценки и ему придётся как-то с этим жить. За плохой выбор придётся отвечать даже здесь, при жизни. Смерть – это мерило жизни.

– А что насчёт боли физической? Есть лекарственные препараты, которые помимо купирования боли отключают сознание или, во всяком случае, ухудшают его качества. Как вы к этому относитесь?

– Мне приходится исповедовать людей, которые находятся в состоянии изменённого сознания, и я максимально принимаю их такими, какие они есть, вне всяких сомнений. Ну и однозначно я не принимаю эвтаназию.

– Но ведь это близко к эвтаназии – какая разница: смерть для избавления от боли или отключение сознания для избавления от боли?

– И тем не менее человек жив. Вспоминаю классический пример. Как-то со священником пришли в реанимацию. Там старичок очень советского вида стал ругаться на нас в духе «ходют тут всякие», и как-то так очень зло, остро... Мы исповедовали и причастили всех, кто хотел, и ушли в соседнюю палату. Через некоторое время к нам прибежала бабулька санитарка и рассказала, что тот самый дед умер. «Жалко, – говорю, – что в таком состоянии». «Нет!– возмутилась та. – Вот как вы ушли, он заснул на своей каталке, а потом как вскочил, перекрестился, катетеры на себе все порвал и говорит: «Господи, прости, что гнал Тебя всю жизнь!», и с этими словами умер».

Сразу вспоминается благоразумный разбойник из Писания – ведь что-то у него внутри произошло! Состояние изменённого сознания тоже временное. Возможно, будут последние секунды жизни, когда человек придёт в себя. Пока он жив, он может изменить свою участь. Для личности даже одно-два слова меняют всё.

Вера

И чем больше остается радости между мёртвым и оставшимся жить, тем лучше. Лучше во всех смыслах. Потому что, как я обнаружил, страстность нашего горя не приближает нас к умершим, а наоборот, отдаляет от них.

Клайв Стейплз Льюис

фото Игоря Ждановича

СВЯЩЕННИК АНТОНИЙ СКРЫННИКОВ

ОНИ ЖИВЫ

фото Игоря Ждановича

С каждым годом и веком, которые отделяют нас от времени земной жизни Спасителя, человечество всё больше боится смерти. Светское сознание не может вместить мысль о том, что смерть – временное явление и что она была побеждена однажды более двух тысяч лет назад на Кресте и будет побеждена снова во Втором Пришествии Христа.

Мысль о смерти и болезни пугает человека с верой «в душе», нарушая его хрупкие планы на будущее. Она вторгается в жизнь потерей родных и близких, и человек волей-неволей «примеряет» смерть на себя. Он начинает убегать от факта реальности личной смерти. Об этом в своё время болезненно-мучительно писала Зинаида Гиппиус: «Лишь одно, перед чем я навеки без сил, – страх последней разлуки».

Тема смерти становится неприличной в западном обществе. Доходит до того, что в некоторых кантонах Швейцарии запрещают проводить погребальные процессии днём, дабы не смутить прохожих. В некоторых странах Европы считается правильным отпевать людей только в закрытых гробах, чтобы не увидеть печать смерти на лице покойного.

Недавно в педагогическом институте, где я преподаю философию, мы со студентами обсуждали тему смерти. И большинство студентов сказали, что их страшит сама мысль о смерти и они стараются о ней не думать, чтобы не омрачать своё существование, в чём-то уподобляясь беспечности евангельского богача.

Святитель Тихон Задонский подтверждает, что никому не известен предел существования земного: «Смерть никого не оставляет, и чем дольше живём, тем ближе она к нам. Этот предел Божий как неизвестен нам, так и весьма страшен. Неизвестен, поскольку смерть похищает без разбора старых и молодых, младенцев и юношей, готовых и не готовых, праведных и грешных. Страшен, поскольку отсюда начинается нескончаемая, непрестанная, всегда пребывающая вечность. Отсюда мы отходим или в вечное блаженство, или в вечную муку; или в место радости, или в место плача. Отсюда мы начинаем или вечно жить, или вечно умирать; или вечно царствовать на Небе со Христом и святыми Его, или вечно страдать в аду с сатаной и ангелами его».

Подобное боязливое отношение к смерти было не всегда. Первые христиане не воспринимали смерть как фатальность, так как были сами готовы в любой момент отдать свою жизнь за Христа.

В Римской империи выбрали правильную, как казалось, тактику борьбы с христианством. Нужно было поставить под угрозу самое ценное, что есть у человека, – его жизнь, и таким образом заставить отречься от своей веры. Но, к удивлению римских цезарей, ценности светского и одновременно языческого Рима и горстки христиан оказались совершенно разными.

В мученических актах того времени описываются случаи, когда при совершении казни группы христиан из толпы зевак могли выйти люди, которые дерзко во всеуслышание заявляли, что они тоже христиане и желают отдать свою жизнь за веру. Это пренебрежение жизнью и желание жить со Христом в вечности порой заставляло церковные власти увещевать верных не нарываться на добровольное мученичество.

Русский историк Василий Болотов отмечал, что мученичество, смерть за свои идеалы стало той реальностью, которая покорила наших предков-славян. Для языческого сознания было чуждо платить жизнью за своих богов, поскольку они были все примерно равны в могуществе и, меняя одного на другого, человек ничего не терял.

Христианин любит и ценит жизнь, но не будет цепляться за неё любой ценой, понимая, что смерть – лишь начало иной жизни. Подтверждая эту мысль, святитель Игнатий Брянчанинов говорит: «…смерть – великое таинство. Она – рождение человека из земной, временной жизни в вечность».

Однажды я освящал дом смертельно больного человека, у которого обнаружили рак в неоперабельной стадии. Незадолго до этого он ездил в одну из современных медицинских клиник Израиля, где ему предложили сделать операцию за пятьдесят тысяч долларов, при этом не давали никакой гарантии. Можно было бы найти эти деньги и постараться уцепиться за призрачный шанс. Но он отказался, поскольку понимал: чтобы собрать эти средства, ему придется продать свой дом и две машины, оставив своих жену и сына без средств к существованию. И он выбрал смерть, спокойно принял приближающуюся реальность.

Для атеиста смерть всегда страшна, так как является окончательным и бесповоротным актом. Для верующего человека смерть – это в некотором роде таинство, явление, прежде всего, духовного порядка. Можно быть мертвецом, ещё существуя биологически, и быть живым, уйдя из этого мира.

Святитель Григорий Палама замечает, что существует два вида смерти – телесная и духовная. Первый вид – это отделение тела от оживляющей и одухотворяющей души. Второй вид характеризуется отделением Бога от души человеческой, которая умирает сама в себе, будучи в живом организме.

Смерть, согласно святым отцам, – явление, чуждое человеку и миру, которое вошло в нашу природу лишь после грехопадения Адама и Евы, что сделало наш организм тленным. Но, тем не менее, касаясь тела, тленность не в состоянии предать смерти душу человека, которая остаётся бессмертной. Святой евангелист Лука напоминает нам: «Бог же не есть Бог мёртвых, но живых, ибо у Него все живы» (Лк. 20, 38).

Когда я только начинал своё служение, мне пришлось отпевать одного очень пожилого человека. На похоронах практически не было людей, только его супруга и такие же древние, сухонькие старушки. И меня это отпевание поразило до глубины души. Не было слёз, истерик, безутешного горя. Была вера и уверенность старушечки в том, что это расставание не надолго. Когда отпевание закончилось, она подошла ко гробу, наклонилась, поцеловала супруга в губы со словами «спи спокойно, любимый, скоро мы с тобой увидимся».

В одном из своих писем, адресованном умирающей сестре, святитель Феофан Затворник пишет: «Ведь ты не умрёшь. Тело твоё умрёт, а ты перейдёшь в другой мир, живая, себя помнящая и весь окружающий мир узнающая».

Вот эта уверенность в «жизни будущего века», как мы поём в Символе веры, и есть краеугольный камень, квинтэссенция отношения христиан к смерти.

СВЯЩЕННИК АЛЕКСЕЙ ВАСИН

НЕМНОГО ТАЙН «ПОД РОЗОЙ»

Территория монастыря в Бад-Урахе

фото автора

«Это самое лучшее, что дарит любящая Церковь любящим Её пастырям», – сказал один пастор, рекомендуя мне поучаствовать в Пасторальколлеге. Меня очень тронуло это выражение. Церковь любит своих пастырей. А пастыри любят Церковь...

Весной довелось участвовать в одном из самых интересных образовательно-рекреативных мероприятий для духовенства Вюртембергской Церкви – в Пасторальном Коллегиуме, или проще, по-немецки, в Пасторальколлеге (Pastoralkolleg). Один раз в десять лет каждый пастор евангелической Церкви Вюртемберга приглашается на две недели в монастырь в городе Бад-Урах, чтобы восстановить свои духовные, психологические и физические силы. Каждый пастырь приглашается на Пасторальколлег около четырёх раз в жизни.

Такие мероприятия евангелическая Церковь проводит, основываясь на духовном опыте принципов «Совместной жизни» (Konzeptdes «Gemeinsamen Lebens»), описанном Дитрихом Бонхёфером. Первый курс в Пасторальколлеге провели в Фройденштадте 29 сентября 1952 года. В 2012 году Пасторальколлег отпраздновал своё шестидесятилетие.

Над каждой дверью коллегиума можно увидеть маленькую розу из дерева. Она является символом очень важного монастырского правила «Subrosa»: всё, что сказано или сделано «под розой», остаётся тайной, как на исповеди. Пасторальколлег – место, где можно и нужно полностью доверять друг другу. Можно говорить всё, что думаешь. Своего рода жизненная исповедь на протяжении двух недель. Все обязуются и официально, и «джентельменски» выполнять правило неразглашения. Никто никогда не нарушил обещание. Именно поэтому руководство Пасторальколлега не пишет никакой отчётной документации. Всё рассчитано на доверительное и открытое отношение со стороны участников. По желанию

участников на беседы приглашаются и должностные лица из церковного управления.

Группы состоят из двенадцати человек, которые раньше не были знакомы друг с другом.Это люди из разных возрастных групп. Конечно, далеко не каждый может вырваться из житейских будней на целых две недели, но большинство пользуется возможностью и об этом не жалеет. Пасторальколлег служит для того, чтобы дать пастырям возможность получить духовный и интеллектуальный заряд для дальнейшего служения Церкви, разобрать все проблемы личного, служебного, общественного, семейного, дать новые импульсы к вдохновению своим трудом и служением. На это время Церковь официально освобождает участников Коллегиума от всех обязанностей. Если необходимо, предоставляется замена на приходах и на должностях. Кроме того, два рабочих дня до и два рабочих дня после являются свободными для подготовки себя к Коллегиуму и к новому вхождению в служебные будни. Кроме того, Церковь в течение этих двух недель полностью обеспечивает участников всем: жильём в прекрасных одноместных кельях монастыря, четырёхразовым питанием ресторанного типа, всем необходимым для кофейных и чайных пауз и прочим. Таким образом создается полный душевный, духовный и физиологический комфорт для того, чтобы участники могли полностью погрузится в атмосферу духовного отдыха и духовных упражнений.

Эти две недели группу сопровождают люди, приглашенные из Высшего Церковного Совета, из Университета, церковные психологи, духовники и ведущий. Организуются совместные мероприятия, прогулки, поездки, походы. Каждый день начинается с «Библейского кружка», на котором рассматривают выбранный библейских текст в различных аспектах. Моя группа занималась активным изучением и разбором 33-го Псалма. Все умело пользовались древними библейскими и современными языками, изучая как текст оригинала, так и тексты различных переводов и толкований. Каждый день (кроме воскресенья) все собирались за круглым столом, читали и обсуждали стих

Над каждой дверью коллегиума можно увидеть маленькую розу из дерева. Она является символом очень важного монастырского правила «Subrosa»: всё, что сказано или сделано «под розой», остаётся тайной, как на исповеди.

Бад-Урах

за стихом Псалма. После обсуждения филологических аспектов рассматривали толкования. Теперь каждый раз, когда я слышу за богослужением пение или чтение 33-го Псалма, я вспоминаю всю группу, нашу работу, эти прекрасные дни.

Обязательные элементы таких курсов – совместные прогулки по Бад-Ураху и окрестностям, а также выезд на экскурсию в интересное место. Наша группа отправилась в Аугсбург. Важно было посетить Аугсбургскую синагогу, где мы познакомились с жизнью общины и синагогальным богослужением встречи субботы. Здесь это практически единственное уцелевшее во время Второй Мировой Войны здание синагоги.

Город Бад-Урах – курортный город федеральной земли Баден-Вюртемберг, поэтому участники курса могли посещать термы и сауны. Заповедный лес окрестностей Бад-Ураха – лучшее место для послеобеденных прогулок, а потом по расписанию: «Чай, кофе, торт». Все мероприятия проходят в лучшим образом подготовленных функциональных помещениях. Для бесед за чаем и кофе отведена прекрасная лоджия с видом на горы, лес и древнюю часть города.

Мне выделили время по вечерам для докладов и бесед, связанных с Православием. Для группы евангелических пасторов из глубинок Вюртемберга это было очень трогательное знакомство. Православие, его история, внешнее и внутренне нашей Церкви вызвало очень глубокий интерес в среде группы.

Условия жизни в Пасторальколлеге в бытовом плане аналогичны лучшим санаториям и курортам, но наибольший смысл здесь имеют отдых и восстановление сил души и сердца. Это возносит мероприятие на много уровней выше, чем просто курортный отдых. Главной микстурой в этом духовном «санатории» является чтение Писания, молитва, созерцание, размышления и духовное общение, а также специальное время для молчания и тишины. В начале курса каждый участник письменно или устно рассказывает о пожеланиях. В завершениеже курса каждый пишет размышления, складывает написанное в конверт и через несколько месяцев получает домой письмо от самого себя, как память о том прекрасном времени. Пасторальколлег предоставляет лучшую возможность восстановить силы и посмотреть на себя, на своё служение, на свою жизнь и на свой быт со стороны.

ТАТЬЯНА ЛАШУК

БОГОСЛОВИЕ В КРАСКАХ

Византия,726 год, многолюдная площадь перед императорским дворцом. Случайные прохожие оказались свидетелями невиданного зрелища: из дворца вышел гвардейский офицер, приставил лестницу к воротам, взобрался наверх и начал колотить своим боевым топориком прямо в самый Лик иконы Христа Вседержителя, которая украшала дворец и была особенно почитаема в народе. Вмиг собралась возмущённая толпа: офицера-святотатца стащили вниз и, несмотря на его отчаянные крики о том, что он выполняет приказ самого императора, избили до смерти. Так трагично началась одна из самых драматичных и малоизвестных страниц в истории православия, которая получила название иконоборчества.

Иконоборцы.

картина Доменико Морелли XIX век

Сегодня, когда мы по обыкновению молимся в церкви или перед домашними иконами, когда гармоничная и проникновенная Троица Рублёва олицетворяют для мира духовную красоту православия, нам трудно предположить, что ради почитания икон проливалась кровь, бушевали политические страсти и затрагивались самые тонкие вопросы христианского богословия.

Согласно преданию, первую икону написал ещё при жизни Богородицы апостол Лука, прямо на доске обеденного стола. Самые древние христианские церкви тоже уже украшались изображениями Христа в виде Доброго Пастыря, несущего овцу на плечах, встречались также изображения Святой Девы с Младенцем на руках. Знатные состоятельные семьи очень дорожили своими семейными иконами: их приносили в церковь на богослужение, ставили на специальную подставку (так в храме возник иконостас), а потом уносили домой. Самым почитаемым иконам общенародно молились во времена эпидемий и нашествия врагов. Однако уже в раннем средневековье в Византии культ почитания икон вышел далеко за рамки разумного поклонения: некоторые священники служили Литургию не на престолах, а на досках икон, соскабливали краску с образов и добавляли в Чашу со Святыми Дарами (видимо, так с их точки зрения «усиливалась благодать» Причастия), а своим духовным чадам рекомендовали брать в восприемники при крещении не смертных грешных людей, а иконы наиболее почитаемых святых. Тут же подоспела и мода, всегда быстро и услужливо реагирующая на веяния времени: придворные щёголи красовались в одеждах, украшенных ликами святых, а у одного самого «продвинутого» сенатора даже имелась тога, вся расшитая сценами жизни Иисуса Христа. Понятно, что в среде богословов такие перекосы благочестия вызвали

Икона Божией Матери «Троеручица»

икона преподобного Иоанна Дамаскина

тревогу, ведь люди начали фанатично чтить не первообраз на иконе, а саму икону, сам материал, из которого она была сделана, – здесь уже легко просматривалась связь с язычеством. Вспомнился и Ветхий Завет, предписывающий заповедь «не сотвори себе кумира и никакого изображения того, что на небе вверху… не поклоняйся им и не служи им» (Исх. 20:4-5). А поскольку в Византии именно император считался защитником веры, обеспокоенные иерархи обратились к Льву III с просьбой ограничить неуёмное иконопочитание.

Однако тот не стал тратить время на катехизацию верующих и богословские лекции населению, а сразу начал действовать по жёсткому принципу «взять и запретить». Иконы отнимались и сразу же уничтожались топорами или пламенем костра, в храмах фрески замазывались или соскабливались со стен, даже со страниц дорогих рукописных книг вырезались изображения святых или вырывались целые страницы. Кроме того, император легко сообразил, что под идею неповиновения его приказу легко можно пополнить казну: достаточно только объявить монастырь гнездом иконопочитателей – тут же его можно закрыть и конфисковать всё имущество, а неугодных правителю аристократов или богатых купцов – казнить и тоже отправить в бюджет всё их добро.

Особенный размах иконоборчество получило в правление императора Константина V: он не поленился для придания богословского обоснования своих репрессий созвать даже так называемый иконоборческий собор 754 года. Так как собор претендовал на статус Вселенского, на него должны были приехать не только епископы-иконоборцы, послушные императорской воле, но и другие иерархи восточных церквей, защищавшие иконы. Таких прямо с корабля встречала специальная делегация и любезно препровождала до самого дворца, где иерархи оказывались заключенными под стражу. Неудивительно, что после подобных предусмотрительных мер собор провозгласил императора Константина «тринадцатым апостолом», а всех иконопочитателей предал анафеме. Вдохновлённый «благословлением небес», новоявленный апостол взялся за дело основательно: защитникам или хранителям икон выкалывали глаза, жгли бороды и вырезали на лицах клейма; под свист и улюлюканье довольной толпы иноков и инокинь до изнеможения, как лошадей, гнали по ипподрому, подстёгивая ударами бича. Это зрелище зловеще напоминало времена Древнего Рима, когда языческие императоры устраивали показательные мучения христиан на аренах.

Однако в эти тяжелые времена в защиту почитания икон был написан один из самых важных богословских трудов: «Точное изложение основ православной веры», автором которого неожиданно стал человек, служивший министром при мусульманском дворе сирийского халифа, один из Отцов Церкви – Иоанн Дамаскин. С историей этого святого связывают возникновение одного из очень необычных образов Богородицы – «Троеручица». Согласно житию, чтобы помешать Иоанну писать труды в защиту икон, от его имени написали подложное письмо, в котором министр будто бы предлагал византийскому императору свою помощь в захвате Дамаска. Это письмо и ответ на него императора были переадресованы халифу. Иоанна прилюдно покарали отсечением кисти «преступной» правой руки, которая была повешена на городской площади. Спустя некоторое время Иоанн получил отсечённую десницу обратно и, затворившись у себя, приложил кисть к руке и стал молиться перед иконой Богородицы. Через некоторое время он заснул, а проснувшись, обнаружил, что рука чудесным образом приросла. В благодарность за своё исцеление Иоанн приложил к иконе сделанную из серебра руку, которая и воспроизводится на многих списках иконы, получившей именование «Троеручица». Также в благодарность об исцелении Иоанн Дамаскин написал песнопение «О Тебе радуется…». Именно Иоанн удачно сформулировал обоснование почитания икон, позднее использованное Седьмым Вселенским собором 787 года в Никее, который с позиций духовенства всего христианского мира восстановил иконопочитание: «Ибо честь, воздаваемая образу, переходит к первообразному, и покланяющийся иконе покланяется существу изображённаго на ней».

Тем не менее даже после Седьмого Вселенского собора иконопочитание восстановилось не сразу. Только после прихода к власти императрицы Феодоры, правившей вместо своего малолетнего сына, был установлен и впервые совершён (11 марта 843 года) чин провозглашения вечной памяти ревнителям православия и анафематствования еретикам, совершаемый в православной церкви и до нашего времени в первое воскресенье Великого поста («Торжество Православия»). С тех пор до наших дней сохранился обычай не только молиться перед храмовыми иконами, но и благочестивая и по-семейному теплая, интимная традиция благословлять образом своих родных и любимых людей: на вступление в брак, на путешествие, на службу в армии и другие важные события. И неслучайно только что обвенчанные новобрачные идут от алтаря с парными иконами Богоматери и Спасителя в руках – это видимые миру символы образования их личной семьи, своей маленькой «домашней церкви».

В Никольском храме Гродно

фото Игоря Ждановича

НАТАЛИЯ СУБАЕВА

КАК ПЕРЕЖИТЬ СМЕРТЬ БЛИЗКОГО?

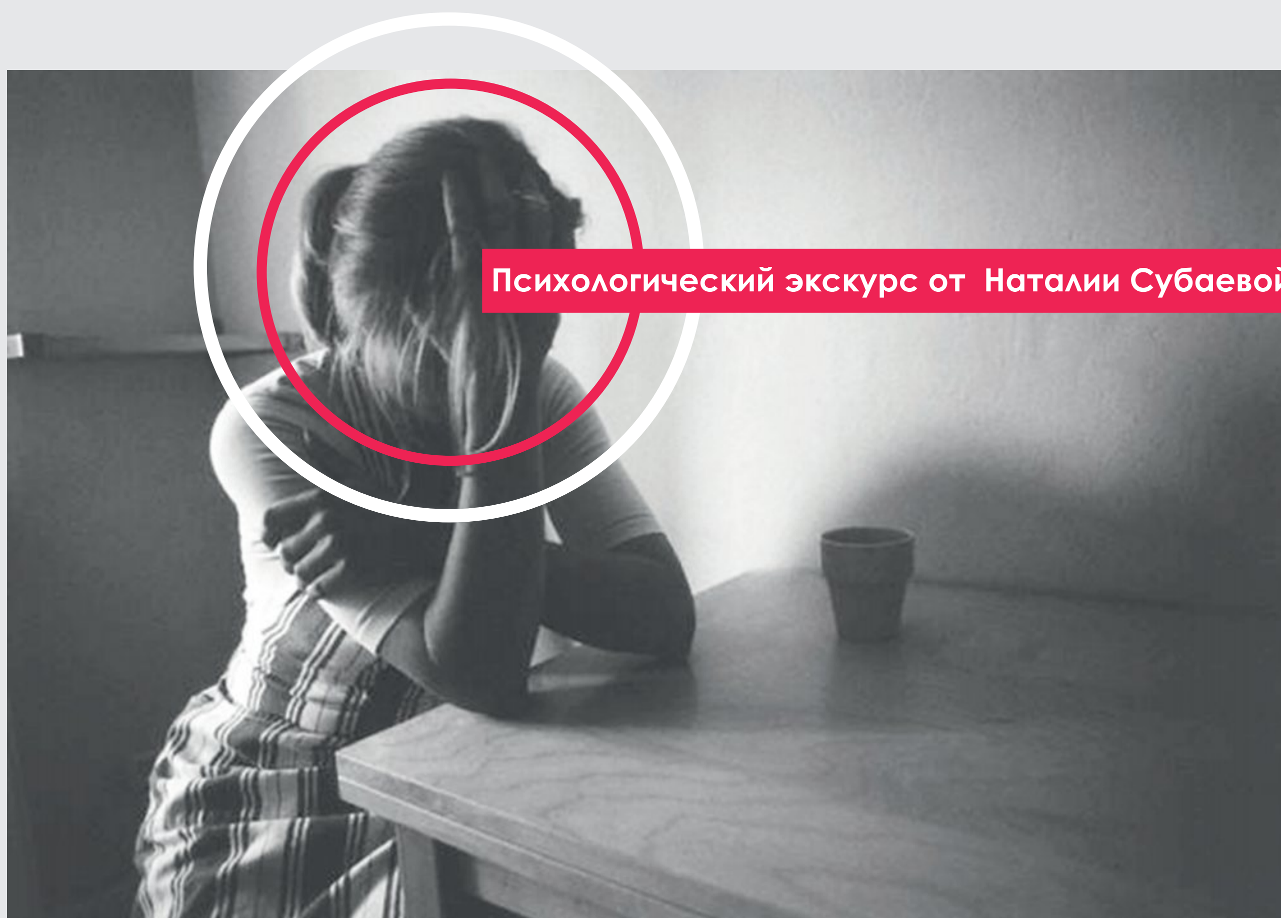


фото shki.net

Смерть родного человека – одно из тяжелейших испытаний, которое все переживают по-разному. Тяжесть утраты, непонимание, ощущение пустоты делают душевную боль невыносимой. Как научиться жить без того, кого больше нет рядом с нами?

СТАДИИ ПЕРЕЖИВАНИЯ

Горе – это динамичный процесс, который имеет начало и завершение. Но как он протекает? Что происходит с человеком, если он утратил близкого? Психологи условно выделяют четыре стадии переживания.

1. Шок – срывающаяся реакция организма в ответ на чрезвычайную ситуацию. Некоторые пребывают в перевозбуждённом состоянии. Кто-то, наоборот, словно «оглушён», впадает в оцепенение. Иногда состояния активности и вялости сменяются в хаотичном порядке. Обычно этот период длится от семи дней до нескольких недель.

2. Отрицание утраты – период, когда человек не может или не хочет принять то, что произошло. Этой стадии присущи слова «будто не со мной», «я не верю» и подобные. Могут появиться недомогания, вялость и апатия, нарушение сна и аппетита, отказ от общения. Продолжительность этого этапа в среднем – 6-7 недель.

3. Чувство вины, в том числе и по отношению к себе. Это период, когда кажется, что человека можно было спасти, но что-то было не сделано или сделано не так. На этом этапе часто возникают судебные иски к врачам, если родственник долго болел. Появляется гнев, обида, как на себя, так и на умершего.

4. Принятие. На этой стадии начинается привыкание к действительности, осознание утраты. Иногда этот период сопровождается депрессией, иногда – периодическими приступами горя.

Это стандартные периоды переживания крайне тяжелых стрессовых ситуаций. После них начинается адаптация. Человек принимает произошедшее и начинает привыкать к «новой» жизни. Страдания сменяются чувством тоски и печали.

«Конечно, эти стадии не всегда чётко очерчены, могут накладываться друг на друга, – рассказывает врач-психотерапевт, психолог клиники «Добрый доктор», а также частно консультирующий специалист Александр Баранчиков. – Наиболее ярко они выражаются у инфантильных людей. Если человек состоявшийся, то принятие утраты происходит в философском ключе.

Физиологически человек переживает все четыре этапа примерно за год, независимо от степени выраженности периодов».

«В среднем все стадии переживания длятся год, неспроста в некоторых культурах существуют традиции, по которым траур длится в течение этого времени,– добавляет психолог Центра психологической помощи «Мир в красках» Светлана Фураева. – Потом человек выходит на нормальный ритм жизни, самочувствие улучшается. Да, утрата есть, горе никуда не уходит, но самый непростой период заканчивается».

Александр Баранчиков

КАК ПОМОЧЬ СЕБЕ?

Если возникает вопрос «что делать?», «как справиться?», значит, человек уже понимает, что рано или поздно придётся приспосабливаться к сложной ситуации.

В первую очередь, не нужно копить в себе эмоции, отмечают специалисты. Хочется плакать – плачьте. «Не нужно сдерживать себя. Чем больше эмоций человек выплеснет наружу в первые минуты и дни после утраты близкого, тем более целительно это для переживающего», – отмечает частный психолог Ольга Голубева.

Светлана Фураева

Этот период нужно пройти, это естественный ответ психики на сложившиеся обстоятельства. Горе выходит со словами и слезами. Поэтому не нужно крепиться и держать все в себе, комментирует Светлана Фураева. Говорить о потере и плакать – нормально, и хотелось бы, чтобы близкие это понимали».

Кроме того, выплеск эмоций длится не так долго, как может показаться.

«Выплескивание горя происходит в первые две недели, а затем – импульсами с внезапными приступами слез – до трех месяцев, – объясняет Александр Баранчиков. – Это нормальная реакция организма. Совершенно неправильно в тяжёлой ситуации держать переживания в себе.

Первые три месяца вообще самые сложные, потом состояние более или менее приходит в норму. Да, переживание есть, но человек может нормально жить и работать».

Чтобы приспособиться к новой жизни, нужно понять, в чём человек, потерявший близкого, наиболее уязвим. Кто-то остаётся обделённым в общении, потому что умерший был самым лучшим другом, кому-то не хватает профессионального совета, кто-то – беспомощен в обустройстве быта.

Ольга Голубева

В дальнейшем придётся научиться самому делать то, что раньше делал умерший. Нужно будет осваивать ведение домашнего хозяйства, профессионально совершенствоваться, подружиться с другими людьми.

Конечно, не обязательно мгновенно всё делать самостоятельно, поначалу можно обращаться за помощью или советом к друзьям, к специалистам. И вообще в первое время лучше не решать глобальных вопросов.

«Не стоит принимать важные решения в этот период, – замечает Ольга Голубева, – и нагружать себя дополнительными стрессами».

«Кому-то после утраты нужна социальная адаптация, кому-то – эмоциональная, – рассказывает Светлана Фураева. – Кто-то нуждается в новых знакомствах, кто-то должен реструктурировать всю жизнь. Если близкий внезапно погиб при несчастном случаеи всё вокруг напоминает об утрате, бывает, что люди меняют место жительства, иногда уезжают в другой город».

Главное, нельзя замыкаться в себе. Нужно обязательно общаться с друзьями и близкими. Но рядом должны оказаться не елейно-сочувствующие, а просто соболезнующие люди.

«Кроме того, переживание утраты зависит и от степени зрелости человека, – напоминает Александр Баранчиков. – Люди инфантильные, зависимые от близких в момент утраты регрессируют в детское состояние. И здесь не приходится говорить о самопомощи, потому что они не в состоянии ничего контролировать, такого человека вынужден будет тянуть кто-то сильный».

ЧЕМ МОГУТ ПОМОЧЬ БЛИЗКИЕ?

Помощь нужна не только тем, кто слабее. Даже состоявшиеся люди нуждаются в поддержке в период переживания утраты.

Александр Баранчиков: «Конечно, могут и должны помочь друзья и близкие. Но действия должны быть конкретными. Формальности вроде предложения «крепиться» совершенно не нужны и не помогают. Надо принять участие в жизни человека, общаться с ним, быть рядом. Взять на себя часть хлопот по организации похорон.

Но через некоторое время обязательно нужно начать делегировать ответственность, иначе человек начинает становиться зависимым».

Помимо помощи в делах хорошо, если рядом окажутся люди, с которыми можно просто поговорить и разделить горечь утраты, поскольку выговориться в тяжелый период тоже необходимо.

Ольга Голубева: «Нужно, чтобы рядом был человек, с которым можно поделиться переживаниями, вспомнить умершего или поплакать. Крайне важно, чтобы в такой непростой момент горюющий получил внимание и понимание. Правда, легче будет общаться с тем, кто пережил подобное. Если понимающего собеседника нет, лучше обратиться к психологу».

Светлана Фураева: «Конечно, должна быть помощь близких. Но, как правило, если умер кто-то из семьи, то стресс испытывают все. И хлопоты приходится брать на себя более сильному».

КОГДА НУЖНА ПОМОЩЬ СПЕЦИАЛИСТА?

Горе – это естественный процесс, и обычно человек переживает его без профессиональной помощи. Однако бывают блокированные реакции, когда такая помощь требуется, рассказывает частно практикующий психолог Яна Югова. К таким относятся отрицание факта потери или значимости утраченного человека, длительное

депрессивное состояние, употребление алкоголя и наркотиков для избегания неприятных переживаний, отказ от социальной активности в «обычной» жизни.

Процесс переживания может затянуться на годы или проявляться в патологических симптомах, если обстоятельства препятствуют проявлению нормальных реакций скорбящего. Возможные причины для этого: значимость усопшего, самоубийство, внезапная или насильственная смерть, ситуации неопределенности – пропал или ушёл и не вернулся, конфликты, возникавшие с человеком, который умер.

Но помощь специалиста может потребоваться не только в случае, если скорбящий пытается совершить насилие над собой или просто отказывается общаться. Опасение должны вызывать и гипертрофированная демонстрация горя, и просто «застревание» на каком-то из этапов переживания.

«Главное, чтобы человек не зацикливался надолго на одном из периодов горевания, будь то состояние шока или чувство вины, – комментирует Ольга Голубева. – В среднем тяжелые переживания длятся от полугода до двух лет. Если они затянулись и человек не может прийти в себя, следует обратиться к специалисту».

Как правило, потребность в помощи чувствуется интуитивно, когда человек «разваливается» на глазах, ничего не может и не хочет делать. Помимо этого бывают случаи, когда нужны не только консультации, но и успокоительные.

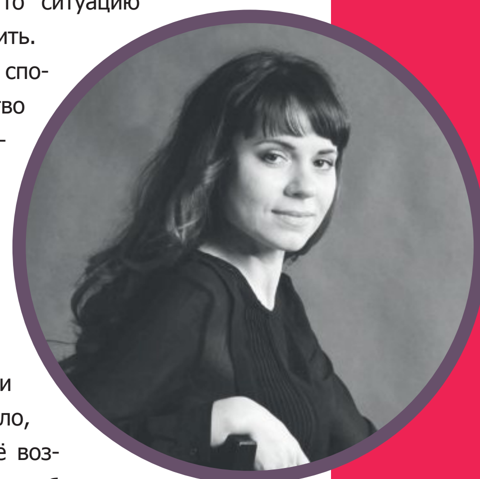
«Разумеется, если есть склонность к суициду или были попытки самоубийства, нужна не только помощь, нужны и соответствующие лекарства, – комментирует Александр Баранчиков. – Успокоительные могут помочь людям пенсионного возраста, чтобы не было инфарктов и инсультов.

Кроме того, помощь специалиста нужна, если человек пытается «создать» систему, подобную той, какая была при умершем. Например, если женщина всю жизнь прожила с сильным мужчиной, после его смерти она может начать «прятаться» за сына, перекладывать на него ответственность или просто активно вмешиваться в жизнь детей».

ЧУВСТВО ВИНЫ

Чувство вины – это самое сложное в период переживания утраты близкого человека. Особенно болезненно переносят его родные в случае внезапной смерти. Например, усопший при жизни часто ложился поспать, когда плохо себя чувствовал. Однажды прилёг и умер. И никто не мог этого предположить, ведь он всегда ложился отдыхать, когда было плохо.

Ещё одна категория остро переживающих вину – родственники умерших во время тяжелой или неизлечимой болезни. Даже если прогнозы врачей с самого начала были неутешительными, у близких остаётся ощущение, что если бы была собрана ещё некая сумма денег, то ситуацию можно было бы изменить.



«Универсального способа пережить чувство вины нет, – рассказывает Светлана Фураева. – Но точно известно одно: просто сказать человеку, что он не виноват, – не поможет. Анализируя с горюющими ситуацию, как правило, мы выясняем, что всё возможное в той ситуации было сделано. Лучше направить энергию не на переживание вины, а на поступки, которые помогут сохранить долгую и светлую память о близком человеке. Это могут быть добрые дела, волонтёрство, а кто-то может продолжить любимое занятие умершего».

Но справиться самостоятельно бывает не так просто, поскольку не все понимают, что на самом деле происходит.

«Проблема в том, что люди, как правило, не идентифицируют свои ощущения, – объясняет Александр Баранчиков. – Чувствуют отрицательные, разрушающие эмоции, но не понимают, что это. Зачастую требуется помощь специалиста, чтобы привести человека к осознанию того, что он испытывает, к пониманию чувства вины. Потом оно должно быть проработано, поскольку советы из серии «ты ни при чём» не работают.

Проработка заключается в обсуждении произошедшего, и говорить об этом придётся не раз и не два. Это можно сравнить с выливанием воды из чайника – вся вода должна вылиться.После продолжительной работы чувство вины должно перейти в добрые воспоминания об усопшем».

Яна Югова

ПОДРОСТКИ

Несколько иначе смерть близкого переживают подростки.

«Они уже не дети, но ещё не взрослые, и переживают горе по-другому, – рассказывает Светлана Фураева. – Некоторые воспринимают смерть родителя как предательство. И конечно, смерть близкого должна объединять семью, а не разъединять её. Как бы сильно ни горевал родитель о смерти мужа или жены, детям нужна поддержка того, кто остался.

Кроме того, если подросток поддаётся влиянию, есть риск ухода в секту или, что называется, «в плохую» компанию, особенно если рядом нет близких людей».

У подростков дольше длится период отрицания, как правило, не бывает чувства вины. И могут быть замедлены реакции, добавляет Александр Баранчиков. Иногда бывает, взрослый плачет, подросток – нет».

В пубертатном периоде, во время которого происходит физиологическая перестройка организма, любой стресс, а тем более горе, могут привести к тяжёлым последствиям для ребёнка. Но участие взрослых помогает с этим справиться.

«Всё очень зависит от окружения: если близкие отзывчивые, а не догматичные и авторитарные, то нарушения процесса горевания может и не быть, – комментирует Яна Югова. – В противном случае последствия могут быть непредсказуемыми, что характерно для подросткового возраста.

В такие моменты ребятам бывает трудно находить контакт с окружающими, они могут замыкаться в себе. Или, наоборот, могут «играть со смертью», причиняя себе вред самоповреждениями, употребляя запрещённые вещества. Могут становиться склонными к рискованному поведению. И это только усиливает их эмоциональные переживания, заглушая душевную боль лишь на время».

Главное в такой ситуации, чтобы подростку не пришлось взять на себя роль взрослого.

«Очень важно, чтобы подростку не пришлось в момент утраты стать старшим в семье,– рассказывает Александр Баранчиков. – Иногда случается так, что взрослые, находящиеся рядом, проявляют инфантилизм или начинают «насаждать» горе, всё время напоминать: «Ну как мы теперь без него?» Такие ситуации могут привести к отсроченным депрессиям, которые возникнут года через полтора-два».

ДЕТИ

Крайне сложно разговаривать о смерти с маленькими детьми. Поэтому взрослые иногда пытаются не говорить правду, чтобы не шокировать ребёнка. Это неправильно, поскольку формирует неверное восприятие и мировоззрение.

«Дети до определённого возраста вообще не понимают, что такое смерть. Но скрывать правду в случае, если человек умер, не стоит, – объясняет Светлана Фураева. – Нельзя формировать в сознании мифическую ситуацию и говорить, что кто-то находится в беспрерывной командировке уже два года. Ребёнок может прийти к выводу, что его бросили, например, потому что он плохой. А когда выяснится правда, возникнет обида, что не было возможности попрощаться с близким.

Даже если ребёнок совсем маленький, ему нужно объяснить всё как есть, но аккуратно подбирая слова, дистанцируя смерть от него самого: ты здоров и будешь жить долго, и я здорова и тебя не оставлю.

Чтобы смягчить стресс, можно не брать ребёнка на похороны или не настаивать, чтобы он подходил к гробу и целовал усопшего».

ТОЛЬКО ВРЕМЯ

Конечно, важно и нужно участвовать в ритуалах прощания с близким: в похоронах, поминках, в уходе за могилой, отмечают психологи. А потом дать себе время для того, чтобы научиться жить без него.

«Нужно принять свои переживания, понять, что на «излечение» потребуется немалое время, – завершает Ольга Голубева. – Но тяжкие страдания обязательно закончатся, и это тоже надо осознать. Если совсем нелегко, можно написать письмо и сказать в нём всё, что хочется или не удавалось сказать раньше.

Следует внимательно отнестись к своему здоровью и режиму работы, не нагружать себя, и ни в коем случае не отказываться от еды».

Утрата близкого – огромная травма в жизни любого человека, она приносит сильнейшую боль. И как любая боль, тяжелые переживания требуют времени для восстановления.

Cвоой путь

Я была на краю чего-то,
Чему верного нет названья...
Зазывающая дремота,
От себя самой ускользание...

Анна Ахматова

ТАМ, ГДЕ ДВОЕ

«Свой путь» Марины и Ирины Винокуровых

Разговорились как-то после воскресной школы с одной из наших сегодняшних героинь и поняли, что не написать об этих славных девушках – просто преступление перед Господом и людьми! И скоро вы узнаете, почему. Открытые миру, всегда доброжелательные и искренние, эти девушки всегда окружены детьми, которые льнут к ним, как только появляется такая возможность. Конечно, дети чувствуют любовь. Вот о такой большой любви и будет наш рассказ. Знакомьтесь: сёстры-близнецы Марина и Ирина (по старшинству) – преподаватели пения в воскресной школе Свято-Петро-Павловского кафедрального собора в Гомеле, певчие на клиросе и студентки второго курса филологического факультета Гомельского Государственного университета имени Франциска Скорины.

Марина: Мы все из Казахстана. Бабушка с дедушкой отправились туда поднимать целину, так и познакомились. Папины родители переехали из России и тоже встретились в Казахстане. Мама с папой уже родились там, и мы тоже. Из-за папиных проблем со здоровьем переехали в Беларусь, когда нам было пятнадцать. У него бронхиальная астма, а в Казахстане климат очень сухой – степи и пыль. Врачи сказали, что нужен более влажный воздух.

Ирина: В Казахстане мы жили в селе Подгорное. Там мало было казахов, в основном русское население. Рядом – село Запорожье, и в 92-м в полтора годика нас с Мариной там покрестили вместе с мамой, папой, тётей, дядей и крёстными на Собор Радонежских святых 19 июля. В нашем селе не было ни храмов, ни мечетей, никто не интересовался верой и духовной жизнью человека. Но тем не менее бабушка сказала, что покрестить детей надо, потому что плохо спят, часто болеют – по языческим представлениям. У нас по папиной линии больше православных.

М: Наша бабушка до сих пор жива. Она вспоминает, что её мама своим детям ничего не рассказывала о православии, потому что в то время было страшно, но всегда говорила: «Помните, что вы христиане». Это у бабушки в детстве заложилось, и она, будучи уже взрослой, привезла откуда-то Библию. Когда в Казахстане проповедовали баптисты и раскладывали в Доме культуры христианскую литературу, нам бабушка говорила: «Ходите, слушайте, но не делайте, как они». И вот, наверное, благодаря баптистам мы читали детскую Библию, которую снова же нашла бабушка. Мы очень радовались, когда выучили «Отче наш».

Что-то православное внутри всех нас, безусловно, было, даже если мы не знали утренних и вечерних молитв, – в нашей семье этого нет до сих пор. Это только нам с Ирой, как батюшка говорит, «ударила по голове благодать Божия» *(смеётся)*. Но Господь в каждом сердце есть. Первой молитве нас научил папа. Мы покушали, встаём: «Мама, папа спасибо!» – и побежали. Папа всегда говорил: «Стоять. Сначала

нужно поблагодарить Господа, а потом уже благодарить родителей».– «Папа, а как это?» – «Ну, в мыслях, про себя поблагодарили Боженьку». Мы начали сочинять: «Спасибо, Господи, за то, что мы покушали».

Ещё в детстве мы всегда смотрели трансляции пасхальных служб, но думали, что это фильм, как будто его где-то сняли и показывают, а на самом деле такого нет.

И: Когда мы были маленькие, папа с мамой уходили на работу, а нас отводили к бабушке Ане. Мы садились на пол на корточки и слушали, как бабушка рассказывает про Христа: про Страстную Пятницу, про распятие Спасителя, про то, что «где двое или трое собраны во имя Моё, там Я посреди них». И нам всегда интересно было: «Да?», – удивлялись мы с искренней детской наивностью. Бабушка научила азам православия. Но мы не знали, как в храм заходить, как правильно креститься. Когда переехали в Наровлю *(Гомельская область – прим. автора)* ,ещё год не ходили в храм. А потом сюда переехала бабушка Аня и предложила сходить. Марина с бабушкой однажды сходили.

М: Было очень страшно, потому что ничего не знаешь. Бабушка показала, как надо креститься. Это был Великий пост, потому что делали земные поклоны. Я на бабушку посмотрела вопрошающе, а она мне: «Давай, давай, делай, как все». И я повторяла. В этот первый раз в храме мне было очень плохо. Я стояла и меня всю колотило. Она говорит: «Так, иди на улицу, потому что если ты сейчас упадёшь, я тебя не подниму». Выйду на улицу – все хорошо. Спокойно стою, дышу. Опять зайду – плохо. Мы с бабушкой службу не достояли, она говорит: «Ты себя плохо чувствуешь – пойдём». Нас тогда прихожанка догнала, сказала, что нельзя уходить: пока не поцелуем крест, Боженька не засчитает, что мы были на службе. Бабушка говорит: «Всё засчитает, всё, пошли». И с того дня я начала бояться, что такое состояние повториться и мне будет плохо в храме. Да и думаешь: жили без храма и ничего – хорошо. Дома иконочки есть, Боженька везде, будем молиться дома. И всё, так оно и забылось. Бабушка переехала в деревню под Наровлей, там тоже рядом храмов нет. Она не ходит и мы не ходим.

«ЕСЛИ БЫ НАМ КТО-НИБУДЬ СКАЗАЛ...»

М: У мамы с папой музыкальный слух есть, а музыкального образования нет. Они самоучки, работали в Доме культуры. И с детства, с 3-4 лет, мы уже были на сцене. Начинали с частушек, потом песни и так далее. Когда приехали в Наровлю, у нас был факультативный класс МЧС. Ох, как нам нравилось! И боевые развёртывания, и рукава, и в машину залезали, и боёвки надевали, и на окно по лестнице со штурмовкой залезали и спускались. Так нравилось! Мама с папой уже вроде смирились. А когда дело дошло до поступления, возникли трудности с медосмотром.

В 2010 году мы окончили школу в Наровле и поступили в музыкальный колледж имени Соколовского в Гомеле. Колледж замечательный, и студенты замечательные. Родители нас боялись отпускать, потому что город большой, а мы родом из села. Мы, может быть, ещё и сами боялись: здания, многоэтажки пугали. В колледже нас приняли тепло. Однажды, точно помню, перед Благовещением, Люба, знакомая девочка со старшего курса, говорит: «А у нас сегодня праздник». Я говорю: «Где?» – «В храме». – «Люба, ты что, в храме поёшь?» – «Ну да». – «Ты прямо в хоре, в церкви?» – «Ну да». – «Здорово… Мы бы тоже, наверное, хотели в храме петь». – «Так давайте – у нас певчих нет!» – «Люба, нет, ты что! Город большой, нам самим куда-то идти – нет». Люба говорит: «Я вот собираюсь вывешивать объявление в колледже. Нам певчие нужны». А у нас, у студентов, никогда денег нет на телефоне и сложно позвонить. Но есть Лайф, бесплатный внутри сети. Вот думаю: если будет Лайф – позвоню. Смотрю – Лайф! Ну я ж обещала! *(Смеётся)*. Позвонила регенту: «Можно?» – «Можно!» Привели нас. И всё, вот как Господь привёл, так по милости Божией мы здесь. Когда только зашли в храм, удивились: благодать Божия касается сердца, и мыслей нет, и ты стоишь такой благоговейный. И столько любви! Ты знаешь, что тебя здесь ждут, тебя здесь любят. Не кто-то конкретно там стоящий, а какая-то невидимая Любовь откуда-то прямо сразу в сердце, просто необыкновенное чувство. А потом когда пришли на клирос, нашлись свои искушения. И, слава Богу, нам сказали, что это нужно претерпеть. Если бы в Казахстане нам кто-нибудь сказал, что мы будем петь в храме… «Да что вы говорите?!» Такого даже в мыслях не было.

У нас характеры очень разные. Я более боевая. Может быть, это связано с тем, что у нас в 5 минут разница с сестрёнкой. Мне всегда в детстве говорили: «Иди сходи с Ирой туда-то». Например, темноты боялись, а я была за старшую. Как будто разница не в 5 минут, а в 5 лет *(смеются)*. И отпор могла дать. Это я сейчас думаю: надо смиряться, надо всё с любовью делать, а не так, как я раньше вела себя – строго очень.

ИСКУШЕНИЯ

М: На клиросе раньше пели в основном бабушки и дедушки. Пришли молодые регенты и начали привлекать молодёжь. А старшие люди, которые ходят в храм, любят, чтобы всё чётко было: девушка должна быть в платочке и юбочке. А у нас с детства, лет с 10-12, никаких юбок, только брюки были. И мы как мальчики по заборам. Мы же в МЧС хотели поступать.

И вот надели брючки, длинненькие кофточки, платочки у кого-то одолжили и пришли на клирос. Там был Владимир Иванович, дедушка. Вот сейчас до сих пор с ним общаемся, настолько его любим, уважаем. А тогда было действительно испытание.

И: Владимир Иванович меня заметил в брюках. И начал ругаться, кричать: «Зачем ты сюда пришла, куда ты ходишь? В брюках!..» У меня слёзы текут. Не то обидно, что на меня ругается, а то, что, действительно, как я посмела в брюках

прийти?! И так тяжело было! А ко мне ещё Татьяна регент повернулась и говорит: «Это враг, он искушает, чтобы ты сюда не ходила». И я себе чётко поставила цель – буду ходить.

М: А я стою с другой стороны. Подойти и сказать ничего не могу. Если бы я подошла, я бы уже разгон дала своему характеру. Смотрю, у неё слёзы текут… А мы же когда к бабушке приходили и она говорила о Христе, знали, что Господь Христос – это Любовь большая. И когда вижу, что мы вообще впервые зашли в храм и Ира стоит и плачет – я даже не слышала и не знала, что Владимир Иванович говорит, – думаю: ну всё, сейчас выйдем из храма, Ира скажет, что больше не придёт. Выходим, я боюсь что-то спрашивать. Ира: «Я буду сюда ходить!» Ревёт и говорит: «Я буду сюда ходить!» *(Смеются.)* И всё. Вот, по милости Божией, всё сложилось. Конечно, мелкие искушения были. Например, нужно

было научиться петь, потому что мы поступили в колледж на народный хор, а это церковный – две большие разницы. Если в народном хоре больше криком берут – открытая манера пения, когда звуки не округляются, то в храме, наоборот, нужно звук прикрывать. Приходишь на народный хор: что вы академическим поёте? Приходишь в церковный: что вы народным поёте? Уберите народное! Нужно было как-то совмещать.

И: У нас на учёбе обычно ставили хор в конце дня, перед службой. Попоёшь народным – и в храм. Конечно, учишься, гласов толком не знаешь, только слушаешь или повторяешь за кем-то. Было тяжело. Мы полтора года ходили на службу бесплатно, просто учились. Утро, вечер – когда могли. Один раз Марина по клиросу убегала от регента *(смеются)*. «Что ты поёшь? Что ты поёшь?» – думали, никогда не выучимся. Но главное – терпение и смирение, однозначно.

М: На самом деле мы не знали, что пение оплачивается. Шли по зову сердца, очень хотелось петь в храме. Тогда мы и думать не могли о деньгах. И когда получаешь первую зарплату, хочется сказать: «Это вообще не моё. Зачем вы даёте?» Мало того что ты приходишь в храм, при этой благодати присутствуешь, на клиросе поёшь – это престол Божией Матери – такая великая милость, ещё и за это деньги получаешь, так вообще, извините меня… И как-то до сих пор неудобно. Но ведь мы студентки. И это копеечка. Это есть возможность и родителям помогать. Поэтому с одной стороны не хочется, а с другой – спасибо, раз даёт Господь – значит бери.

ПЕРВАЯ ИСПОВЕДЬ

М: Два года мы ходили на клирос, но ни разу не участвовали в таинствах. Не знали, что это такое. Очень тяжело было. Казалось, ты столько присутствуешь в храме – и ни разу не покаялся и не причастился. И хочется, и страшно. Обратились к регенту: «Что такое исповедь?» – «Ага! Батюшка, идите сюда!» Отец Максим разложил всё по полочкам. Тогда и начали готовиться. Наверное, сколько будет исповедей, ни

одна не сравнится с той первой исповедью. Помню, отец Евгений читал молитву. Поначалу ведь церковнославянский язык не понимаешь, стараешься слушать, уловить что-то понятное. Но слова, которые батюшка сказал, повернувшись к народу – «Вот, чадо, Христос здесь невидимо стоит, принимая исповедь твою», – я навсегда запомнила. И когда я подошла к аналою, я чётко увидела, что ко мне Кто-то подошёл и стал передо мной. Я подняла глаза – никого нет. У меня слёзы потекли. «Батюшка, помогите исповедаться», – и реву. Вот эта исповедь просто необыкновенная. Точно знаю, что тогда перед исповедью подошёл Господь.

И: Мы вместе готовились к первой исповеди и причащались, но тогда искренне исповедоваться мне не удалось. В первый раз было так: что-то чувствуешь, но, как собака, понимаешь, а сказать не можешь. Поняла, что нужен священник, который помог бы: мне было тяжело самой, я ничего не знала. Сказала одному священника: «Батюшка, я не умею исповедоваться». А он: «Давай мы с тобой помолимся». Я после этой исповеди первый раз в жизни почувствовала, как можно любить Христа. У меня больше не было такой исповеди, мне никогда в жизни не было так легко молиться, так готовиться и с такой

любовью подходить ко Причастию, ко Христу! После этого жизнь изменилась, совсем изменилась. Более осмысленная стала. Раньше ты приходишь на службу – ну поёшь и поёшь, а дальше тебя не интересует, кто там что читает. А сейчас это стало жизнью.

ПРОПОВЕДЬ О ХРИСТЕ

М: У нас очень интересно в колледже получилось. Обыкновенные девочки, артистичные. Только пришли в храм – сразу же захотелось жизнь переменить. На монашескую. И родителей поменять, и однокурсников. Все с ужасом эту картину наблюдали *(смеётся)*. «Такие, – говорят, – девочки. Что случилось?» А мы сразу ярыми проповедницами о Христе стали *(смеётся)*. В комнате с нами жила девочка Катя, которая тоже пела в храме у себя в Добруше. Представьте, открываются

фото Семьи Буй

двери нашей комнаты, она играет на фортепиано, собираются наши певчие – девочки, мальчишки,– и мы учим канон, тропарь Рождества, тропарь Воскресения. Весь колледж, всё общежитие знало, что мы готовимся к службе, приходили к нам. Очень много было дискуссий на парах. Вскоре ребята как-то приняли нас, христианок, а в конце учёбы мы всем дарили молитвословы.

И: К концу мы были уже как родная семья. Когда сдавали экзамен: «Мы написали записочку», – «Спасибо». У нашей одногруппницы папа умер, она не знала к кому обратиться, пришла к нам. Мы, конечно, объяснили ей. Молились за него. У неё слёзы. «Я, – говорит, – так счастлива, спасибо». Она тоже стала приходить к православию потихонечку. Хотела купить молитвослов, но не знала, какой. И когда мы ей его подарили, сказала, что это самый лучший подарок.

М: К госэкзамену мы готовили родильный обряд, туда входило Крещение. Наша группа распечатала большую на 2 метра икону Пресвятой Богородицы «Аз есмь с вами, и никтоже на вы». В конце был колокольный звон, выходила мама с ребёночком, как Матерь Божия с Младенцем, и на фоне её поднимался образ. Когда ребята его увидели, сказали: «Ой, какая она красивая! Вот бы и нам такую». А у нас в колледже есть верующий преподаватель истории Наталья Николаевна. На последнем уроке нашего выпуска она, зная, что группа немного православная, подарила всем маленькие иконочки. Каково же было наше удивление, когда мы увидели, что это икона «Аз есмь с вами, и никтоже на вы». Наталья Николаевна ничего не знала и, когда увидела её на госэкзамене, тоже удивилась.

ПРОМЫСЕЛ

М: Мы думали: закончим музыкальный колледж, пойдём на богословие или на регентов, в семинарию. Когда мама с папой узнали, что семинария находится в Жировичах, сказали, что это очень далеко: «Нет. Девчата, как хотите – нет». Они это в штыки приняли, и когда мы приехали после учёбы, после нашего начального воцерковления, с мамой и папой был откровенный разговор. Папа – очень сильный человек – сидит, расстроенный чуть ли не до слёз, и говорит: «Я сейчас вижу, что мои дети от меня уходят». А мы думали, скажем: «Как хочешь, я в монастырь», – «Как хочешь, и я в монастырь». *(Смеются.)* Мы в монастырь, а никто ж сразу не подумал о родителях. Папа сказал: «Я вас не для того рожал, чтобы вы в монастырь сейчас отправились. Вы поймите, что ничего плохого мы вам не хотим. Нравиться ходить в храм – ходите. Но не забывайте, мир же есть, от него никуда не денешься. Подождите. Нельзя так сразу». Мама в слезах. Единственные дети вдвоём уходят…

Потом уже мы решили, что, действительно, нельзя так. Нельзя всё мирское сразу взять и отсечь. Это эгоизм какой-то получается, если ищешь спасение только себе. Родителям помощь тоже нужна. Папа говорит: «Я и внуков хочу!» Словом, мы остались в миру.

И: Решили, что поступим близко, в Витебскую семинарию. Батюшка, который нам писал рекомендацию, хотел, чтобы мы в Жировичи поступили. Но поскольку на Жировичи не было

родительского благословения, он написал благословение на Витебское духовное училище.

М: Мы с этой рекомендацией – к Владыке.

И: Поступающие собрались в Епархии. Мы зашли, там был отец Амвросий, отец Максим, отец Вадим, отец Георгий, а Владыки не было. И в один голос никто не благословил в семинарию *(смеются)*. «Кто вас знает – и так возьмёт, если умеете петь, умеете регентовать. Вы получайте высшее образование мирское», – «Но какое?» А отец Вадим Качан говорит: «В Скорину». А отец Савва говорит: «А я там преподаю! Вот если не поступите в Скорину – значит, мы вас благословим в семинарию».

М: За три года у нас в колледже не было ни математики, ни литературы, только специализация. Решили идти на филологию, потому что русский язык легче было сдать, да и в школе любили литературу. Когда отцы благословили поступать, мы давай читать, фильмы смотреть, в надежде хоть что-нибудь вспомнить. Получили 6 баллов, думали, не поступим.

На экзамене по литературе интересно получилось. Сдавали в большой ступенчатой аудитории. Место в ней зависело от того, какой вытащишь номерок. Я пошла первая, а Ира после меня. Сажусь, думаю: что там за суматоха? Комиссия засмущалась: «Что делать?» – «Ну что? Она же вытянула». Оказалось, у нас места рядышком!

И: Сверялись. Промысел Божий, значит так надо. Поступили. На бесплатное!

ЧАСТИЧКА РАЯ

И: Мы всю жизнь с детками. Мама привила эту любовь. Когда нам было лет 13-14, если она пионервожатая – значит, мы её помощники. На всех мероприятиях мы были всегда: какие-то постановки, песни – всё сочиняли.

М: Мама с папой очень активные. Мама была в школе организатором культурно-досуговой деятельности. И нас привлекала. У нас были свои обязанности. Например, когда нам было лет 10, чтобы младшие классы на перемене школу не разносили, нужно было чем-то их занять. Мы искали игры, Слава Богу, у нас контакт с детьми был. И когда нам в соборе дали послушание работать в воскресной школе, нас даже не спрашивали. Отец Александр сказал: «Владыка дал благословение вести воскресную школу»,– «Да, батюшка? Страшно…» – «Ничего. Всё».

И: Дети – это ангелы, это частичка рая. Когда они приходят – сразу забываешь все свои проблемы.

М: Ты не знаешь, как пройдёт урок, потому что это настолько непредсказуемо! Ты думаешь так, а может быть совсем иначе. Потому что это детки. Благодарим Господа и за эту милость, за то, что мы работаем с ними. Бывает, наши бабушки ругаются: ой, дети шумные. На самом деле это смиряет. Для меня всё, что говорит ребёнок, – это как восхваление Господа. Пусть даже это плач малыша. А когда детки смеются в храме – ничего наигранного. Когда нас ругают, думаем: слава Богу. Господь же говорил: «Не препятствуйте детям приходить ко Мне». Те ведь не были какими-то особенными детьми. Дети – они всегда дети. Когда приходишь к ним – заряжаешься энергией. Они настолько необыкновенные, светлые! И смотришь в эти глазки – они такие искренние! Думаешь: Господи, слава Тебе!

И: Особенно когда радуются. Они искренне это делают. И доверяют старшим.

О ВЕРЕ, СЕМЬЕ И ЧУДЕСАХ

М: По милости Божией, у нас в семье мама с папой друг друга очень любят. Хоть у нас не было жизни во Христе, но Господь, безусловно, невидимо вёл родителей, и нас они воспитывали в любви друг к другу, в любви к ближним. Нужна помощь – хочешь-не хочешь спать, иди и помогай.

И: С сумками была проблема: «Дай я понесу!» – «Нет, дай я понесу!» – «Нет, дай я понесу! Ты уже половину пронесла». *(Смеются.)*

Бывает, мама приезжает, а нам надо в храм на службу. Она: «И я с вами». Говорит, что хоть и не понимает, но ей нравится. А папа боялся. Он говорил: «Я знаю, что есть Бог». Но чувствовал себя недостойным и боялся зайти в храм. Однажды, когда мама с папой приехали к нам на госэкзамен, мама захотела сходить в Собор. И папа согласился вместе с ней. Зашли в храм. У него все иконы – с Николаем Чудотворцем. Есть иконочка Серафима Саровского, но он всегда думал, что и это Николай Чудотворец. Показала ему в храме одного и второго. Я в первый раз в жизни увидела, как папа крестится. А у меня слёзы на глазах. Я говорю: «Папа, а хочешь, я тебе покажу Пантелеймона?» Папа первый раз в жизни увидел мощи – мощи нашей преподобной Манефы Гомельской. И когда папа впервые крест поцеловал и руку священника... «Пап, а кто тебе сказал руку целовать?» – «Вы думаете, я вообще не просвещённый?! Я вас всех чувствую». *(Смеются.)*

М: У нас прошлой зимой было великое чудо. Наш дедушка был некрещённый. И был у него недуг –

пьянство, бабушку обижал, как только выпьет. Когда мы уже пришли в храм, я увидела икону Матери Божией «Неупиваемая чаша». Я молилась не о том, чтобы он перестал пить, я молилась, чтобы покрестился. Это была очень далёкая мечта… Я просила: «Господи, вот если бы совершилось такое чудо, чтобы дедушка покрестился!» А что-то говорить ему об этом вообще было немыслимо. Дедушка отвечал: «Я в Бога верю, знаю, что Он есть, но я креститься не буду». Если он в пьяном состоянии – объяснять бесполезно, в трезвом – скажет: «Что вы мне голову дурите? Идите!» Мама дома как проповедник и бабушка тоже: «Ваня! Надо покреститься! Ты самый старший, все крещённые, а ты не крещённый». Он ни в какую. А потом после очередного запоя он сильно заболел. Утром проснулся и говорит: «Надо покреститься». Мы как раз приехали на зимние каникулы. Когда мама сказала, что дедушка хочет покреститься, мы, наверное, не упали, потому что сидели. Мы договорились со священником на воскресенье. «Господи! Чтоб только не запил! Чтоб только продержался до воскресенья!» Я на крещении стояла и не верила своим глазам: может, он сейчас убежит? Мы видели впервые, как дедушка крестится. И когда крещение закончилось, батюшка замечательные слова сказал, что сегодня на одного воина Христова стало больше. «Дедушка, как вам?» – «Легко!»

И: Христианская жизнь незаметно начинается. Каждый в своё время понимает. Когда мы на эти каникулы приезжали, в наш дом в первый раз в жизни зашёл священник и освятил его.

М: Батюшка с таким хорошим певческим голосом говорит: «Ну что – поём?» И мы пели, а мама с папой стояли с таким благоговением. Мама сказала: «Ой, девчата, мы такие недостойные, такие грешные».

Батюшка много дал просфорок, а мы забыли их взять в Гомель. Звоним: «Мамочка, надо просфорки скушать», – «А мы уже с папой кушаем». Самим как-то радостно.

И: Маме понравилось в нашем Никольском монастыре. Ходила на раннюю. А потом папе говорила: «А я была у Николая Чудотворца!» А один раз позвонила нам: «А я утреннюю молитву почитала». Всё потихоньку, не так, как мы хотим, всё в своё время.

М: Радость такая. Господь буквально во всём. Столько чудес!

И: Чудеса не в каком-то масштабном смысле, а в самом маленьком. Всю жизнь с самого крещения чувствуешь, как Христос держит за руку. Вот если упадёшь, никто тебя не затопчет, Он Сам тебя поднимет…

ЕЛЕНА БАБИЧ

Павел Сапотько, певчий хора в храме в честь Собора Всех Белорусских Святых в Гродно

ПРО 1%

фото Владимира Лебецкого

В детстве я знал, что Евангелие – это самая главная книга, самая мудрая, самая правильная, и всё, что в ней написано, – правда. Мама так меня воспитала. Я знал, что будет Второе Пришествие и что все мои плохие поступки будут известны. Так стыдно становилось! А с возрастом стыд прошёл и меня понесло в дворовую жизнь. Это были 90-е годы, когда улица была пропитана «блатной романтикой», наркотиками и прочими запретными вещами. Я закончил школу, пошёл работать, но трудиться хотелось как можно меньше, а развлекаться – как можно больше. Много чего делал плохого... Всё это привело меня в тюрьму.

В какой-то момент я понял, что такая жизнь меня не устраивает, а сил бороться уже нет. Знал, что попаду в тюрьму, совершая тот поступок... И я хотел туда ради того, чтобы избежать состояния, в котором находился. Это был единственный известный мне путь, потому что о Боге я не думал. Мама, видя всё происходящее, говорила, чтобы я сходил в храм. А я говорил, что для этого нужно желание и что «я верю, но не соблюдаю заповеди» – такая вот у меня была позиция. В итоге я оказался в тюрьме. Мама начала присылать мне молитвословы и иконы. Она не очень набожная. Верит, как и многие люди верят, не чувствует особой необходимости в исповеди и Причастии. Но через маму Господь стучался ко мне постоянно.

С первых дней я понял, что тюрьма сама по себе тоже портит, поэтому надо читать что-то познавательное, развиваться, чтобы не отупеть и не озлобиться. Памятуя дворовую жизнь, я почему-то стремился теперь быть лучше. Ведь на улице ценится что? В основном твоя дурость, ненужная храбрость, неадекватные поступки. Порой топчешь жалость, главное – переступить через неё и оказаться в чьих-то глазах крутым. Теперь я начал читать классику, книги по истории и психологии. Так шли месяцы.

В тюрьме мне рассказали про воровскую идею, которая заключается в словах: «Братство, единство, взаимопомощь, взаимопонимание». В ней, казалось, был тот отголосок хорошего, к которому я так стремился. Я встал на эту тропу. Такой образ жизни автоматически направлен против администрации. Я нарушал режимы, и через два года мне добавили срок за поведение. Позже я пытался предостеречь людей, убеждая их, что это своеобразная секта – всё сладко выглядит, и только. «Первоходы», как правило, всё видят сквозь розовые очки – наслушались. Но на самом деле они представления не имеют, что происходит в лагерях, где находятся «бывалые». Нам думалось, что там живут «по понятиям», поэтому мы без сомнений нарушали всё подряд и сидели в штрафных изоляторах.

Меня перевели в Волковысскую колонию строгого режима. Именно там находится «бывалый» контингент – «знаменитости», которые сидят по 10-20 лет.Раньше они казались мне элитой воровского мира. И вот теперь я действительно увидел, как они себя ведут и какое у них отношение к людям. Казалось бы, идея, которой я был вдохновлён, подразумевает поддержку, уважительное отношение друг к другу, а тут понимаешь, что всё это работает только в том случае, если «ты мне нужен». Ты мне интересен, значит, с тобой всё будет хорошо, а другие – никто. Было видно, что здесь всё фальшиво и гнило.

В это время моя мама была проездом в Волковыске. Она упросила замполита разрешить нам свидание. Меня ведь не выпускали, я всё время был в изоляторах. Мама просит, а он ей: «А стоит ли? Вон уже и срок добавили, а он всё равно продолжает». При том образе жизни, который я вёл, я всё-таки любил маму. И вот на свидании она ставит мне ультиматум: «Если ты не собираешься ничего менять, тогда я забываю тебя, перестаю навещать и писать. Дальше сам живи, как хочешь, в этой тюрьме». Измениться значило пойти на контакт с администрацией, подчиниться порядку, установленному в колонии. Сейчас я понимаю, что совершенно нормально, скажем, выйти и потрудиться на благо этого учреждения, а тогда казалось, будто это что-то неправильное. После разговора с мамой три дня я ходил в раздумьях. В моём окружении заметили, что парень не в себе. На четвёртый день я всё-таки решил окончательно завязать с прошлым. По тюремной традиции я должен объявить, что отхожу от идеи. Объявил, никто не был против, хотя раньше могли за это и побить. В моём случае отпустили, сказали, ладно, иди, правильно... Меня выпустили в лагерь, где все просто сидят и ждут окончания своего срока. Всё было обычно: знакомишься с людьми, общаешься, живёшь, читаешь, занимаешься спортом.

Вскоре мама написала, что подходит моя очередь на квартиру. Я быстро устроился на работу, а доверенность оформил на маму. Она решала за меня все вопросы по жилью. Тогда я начал понимать, что если после всего, что мама для меня делает, я стану жить, как раньше, это будет плевок ей в лицо. Старался исправляться, ничего не нарушать, чтобы быстрее освободиться.

При этом чтение сыграло очень важную роль. В какой-то момент я дошёл до эзотерики. Это показалось мне таинственным, начал даже что-то практиковать. В лагере был один человек, о котором я знал, что он ерунды не читает. Рассказал ему про эзотерику. «Глупости! – говорит, – на вон, мол, про батюшку почитай». И дал мне книгу про отца Александра Меня. У меня сразу детское мышление включилось: «Раз про

Хор храма в честь Собора Всех Белорусских Святых в Гродно

батюшку, значит, хорошая будет, давай». Начал читать, провёл какие-то параллели с эзотерикой. Потом этот человек дал мне ещё одну христианскую книгу, а затем мне снова попалась эзотерическая литература. И тут я наконец почувствовал какое-то несовпадение. И те, и другие книги говорят о вечности, но эзотерика почему-то называет Христа «мастером». Как-то странно, подумал я, надо почитать Евангелие, чтобы разобраться, как правильно. Беру книгу, начинаю читать. А общение-то такое в тюрьме – везде мат-перемат, у всех разгульный образ жизни, вот и спрашивают: что, мол, крышу сорвало? Нет, говорю, я всегда верил, теперь вот решил почитать Евангелие. Нападки начались, а это всегда отталкивает, боишься показаться ненормальным. К счастью, Господь дал решимости.

Вскоре я дошёл до слов «и многие лжепророки восстанут, и прельстят многих» (Мф. 24,11). В этот момент как будто спала ширма с глаз. Куда же я сам себя загнал?! На все прелести мира так повёлся, что теперь сижу в тюрьме. Это был поворот на 180 градусов. И тут начался взрыв неофитства. Я раздал всю литературу, стал читать только церковные книги. Молитвослов читал, хотя сначала стеснялся перекреститься перед всеми. Читаешь, и столько замечаешь мыслей таких, что просто жуть! Перестаёшь – всё нормально. Открываешь – снова гадости в голову лезут. Происходило открытие нового мира, но вместе с тем появился и фанатизм, фарисейство.

О своём новом опыте я много писал маме. «А почему тогда в храм не ходишь?» – спросила она как-то раз. У меня в голове тогда поселилось какое-то странное заблуждение: церковь – это очень серьёзно, думал я, и если начну ходить в храм, а освободившись, вернусь к прежней жизни, то опять попаду в тюрьму. Нет, надо выйти, стать на ноги и уже потом идти в храм. Три месяца я читал. Прочёл житие святого Серафима Саровского и начал совершать Иисусову молитву, соблюдать строгие посты. Потом наконец понял, что надо идти в церковь. Я пошёл к старосте тюремного храма, сказал, что хотел бы ходить на богослужения. Он меня записал, мне разрешили.

Итак, я впервые вошёл в храм. Под него было переоборудовано старое тюремное здание. Внутри хорошие росписи, резьба. По благословению батюшки читали и пели сами осуждённые. Конечно, это не сравнить с пением настоящего хора, но оно было искренним. Когда делаешь первые шаги, всё это завораживает. Прошла служба, и я просто взлетел. Я вспоминал потом митрополита Антония Сурожского, который говорил, что христианин – это человек, который видел Бога, не в физическом, а в духовно плане встретился с Ним. У меня тогда была именно такая встреча с Богом. Только зайдя в храм, я понял, что вот оно – то самое, чего искала моя душа. Жизнь без Церкви оставляла внутреннюю неудовлетворённость, но теперь я нашёл то, что мне надо.

Я сразу же загорелся идеей нести послушание в храме. Если ты работаешь при храме, то каждый день находишься в нём с утра до вечера. Я ринулся к старосте и начал умолять его взять меня в храм. По тюремным правилам все работы оплачиваются, и тут я весь такой «уважаемый» прихожу и говорю: «Не надо мне ничего платить, возьмите меня сюда хоть уборщиком, только чтобы я каждый день мог приходить». Через месяц меня взяли трудиться в храме.

Это было похоже на монастырь. Ты постоянно трудишься на благо храма, только поесть и переночевать выходишь в жилую часть. Сотрудники в храм заходили редко, поэтому ты почти всегда один, максимум нас трое. Утреннее правило длилось часа полтора-два, в обед молились около часа и вечером минут тридцать. В остальное время – уборка, хозяйственные дела, чтение. Над алтарной частью находилась библиотека, в ней были не только книги, но и телевизор с

фото Игоря Ждановича

Прошла служба, и я просто взлетел. Я вспоминал потом митрополита Антония Сурожского, который говорил, что христианин – это человек, который видел Бога, не в физическом, а в духовно плане встретился с Ним. У меня тогда была именно такая встреча с Богом.

DVD, мы могли слушать лекции и смотреть православные программы. Я поглощал тогда книжку за книжкой. Помню, один из братьев сказал мне: «Ты хоть думай, что читаешь, а то глотаешь всё подряд!» А я как-то у Амвросия Оптинского читал, что не надо тут особо мудрствовать, читай, молитву Иисусову твори, и Господь как надо вразумит.

Появился и опыт христианской жизни. Я воочию убеждался, что значит «как хотите, чтобы с вами поступали люди, так и вы поступайте с ними» (Мф. 7,12). Если я осуждал кого-то, то мне всякий раз оставалось подождать пару дней, чтобы я получил такое же испытание, и, конечно, я не проходил его. Потом я начал поститься, постоянно пытался совершать Иисусову молитву. Там от этого ничто не отрывало. Ещё и в прелесть впал – подвижником себя почувствовал. Я всё думал: в миру ведь как считается – в храм пришёл и вроде всё у тебя хорошо. А тут молитва, посты и такое было состояние как будто меня изнутри жгут. Настолько тяжело было. Я не мог понять, что это такое. Сейчас понимаю, что это, наверное, бес пытался выгнать меня из храма, чтобы я не трудился, а вернулся и дальше читал бы себе книжки в жилой зоне.

Первая сознательная исповедь была тоже в тюрьме. Меня всего кидало в пот, когда я шёл к ней. Казалось потом, что скинул мешок с плеч. После всех тюремных Причастий я «летал». Интервал между таинствами составлял примерно месяц. К концу месяца ты аж воешь, хочешь причаститься.

Тюремная Пасха в 2010 году тоже вызвала у меня восторг. Мы тогда так готовились! Молитва, чтение Евангелия, в рационе только чай и хлеб. Когда дождался её, удивлялся: в прошлом году даже не помню, в какой день Пасха была, а теперь такое переживание.

Батюшка как-то говорил, что после тюремного храма на свободе христианами остаётся только 1% людей. Для меня это был шок, ведь я это всё пережил, я многое понял! Как же я могу освободиться и вернуться обратно? Кто-то шутил, мол, выйдешь, будешь снова чудить, но я был уверен, что такого уже не может случится.

Храм, кстати, был освящён в честь Преподобного Серафима Саровского. Чудо произошло у меня в жизни с этим святым. Мама рассказала, что когда мне добавляли срок, она узнала о Серафиме Саровском. Зашла, говорит, в собор, стою около его иконочки, плачу, молю, чтоб помог. После этого меня и привезли в Волковыск, я начал менять своё мировоззрение, потом пришёл в храм в честь святого Серафима. Получается, святой, позвал меня даже потрудиться к себе в храм.

Я пробыл в тюрьме ещё восемь месяцев. Отсидел половину добавленного срока, и меня предоставили на «химию», или в ИУОТ – исправительное учреждение открытого типа. С моей-то статьёй, да ещё с раскрученной, это было фантастикой. Мне очень хотелось всё, что я приобрёл, скорее внести в жизнь. Ещё до ИУОТа я решил, что уйду в монастырь, освобождался тоже с этой уверенностью. Помню, один из «заседатых» говорил: «Видел ты собаку на цепи? Её ж когда спускаешь, она тоже прыгает, лает – так радуется. Вот то же самое и у тебя будет». Ну, может, если бы я с меркантильными желаниями выходил, было бы всё так, а я из храма выхожу, хочу освободиться – и быстрее в монастырь. Когда вышел, было хорошо на душе. Тишина, мысли никакой, просто спокойствие.

Нас посадили в машину и завезли в ИУОТ. Во время знакомства с администрацией оперуполномоченный спросил о моём прошлом. Я рассказал и добавил, что нисколечко не жалею о том, что сидел в тюрьме. Потому что тюрьма – это просто место, которое порой для нынешнего мира даже спасительное. Тебя ограждают от алкоголя и наркотиков, легче бороться с этими страстями. Я лет двадцать согласился бы отсидеть ради того, к чему пришёл. Для него это было удивительно.

Будучи на «химии», нужно обязательно работать. Я в своё время получил профессию столяра-станочника, мне и по сей день нравится столярная работа. Начальник помог устроиться в фирму по производству мебели. Так я стал работать на хорошей работе и по выходным бывал дома. В будние дни просыпался, летел домой читать правило, готовил кушать и шёл на работу. В субботу убирал дома, в воскресенье с «химии» бежал в церковь. Тогда уже действовал наш Нижний храм. Каждое воскресенье было для меня мини-Пасхой, настолько я это радостно переживал. Даже усталости от молитвенного правила не чувствовал.

«Химия» длилась восемь месяцев, потом ещё были исправительные работы. Всё думал, что сейчас это закончится и я сразу отправлюсь в монастырь. Был при храме, пошёл в братство.

Тогда я о хоре и помыслить не мог. С детства у меня есть слух и голос, но я думал, что это всё уже потеряно. Однажды в день освящения храма я случайно оказался на клиросе. Хор поёт, матушка всеми руководит, а я стою рядышком. Слушаю и думаю: «Вот это поют!». Я дома магнитофон включу, мелодию пою, а чтобы какие-то тональности, ноты, своя партия... Даже во сне такое не снилось. Ушёл в уверенности, что мне здесь точно никогда ни петь.

Мы с братством часто ходим в гости к одиноким людям. Конечно, придём, помолимся, «Отче наш» споём, «Достояно есть». Оля Филипик услышала, что есть голос, ну и говорит как-то в воскресный день: «Пошли на акафист, там никого сегодня не будет». Я пошёл. В очередной раз почувствовал, что Господь всегда вовремя посылает то, что необходимо. Работу тебе – пожалуйста, хор – держи! Мы, как правило, много хотим, и ничего не получается, но в тот момент, когда Господу надо, Он берёт тебя и просто ставит в нужное место.

За три месяца я уже знал все службы и мог петь. Естественно, руководствуясь только слухом. Сначала было не по себе: тут все преподаватели стоят, а ты както к ним затёрся. Но Господь дал быстро научиться всему.

Господь «крюконул» меня с помощью хора. Мир имеет свойство очень быстро затягивать человека. Со временем неофитство начало проходить, появился интерес к материальному. Тяжесть на душе образовалась, молитва не в радость, уныние. Порой в субботу вечером хочется отдохнуть вместо того, чтобы идти в храм. И если бы не хор, я бы отдохнул, но тут уже чувствуешь ответственность. Господь меня всё время обратно затягивал в храм, потому что были моменты, когда становилось нелегко.

В тюремном лагере я познакомился с Володей – ответственным по пожарной части. Он был уже на пенсии, приходил к нам в храм, молился, варенья приносил. Очень искренний человек, по сей день с ним общаемся. И вот когда я позвонил ему на Пасху, чтобы поздравить, он спросил, не женился ли я ещё. «Нет, – говорю, – я как-то больше думаю о монастыре». Он спрашивает: «А ты не боишься?» Ему я, конечно, сказал «нет». Но потом начал рассуждать. Я ведь с упрямством поставил себе цель: решил – значит пойду. Сейчас живу один, никаких проблем, что хочешь, то и творишь, ни за кого ответственности не несёшь. Я понял, что боюсь потерять эту свободу. В общем, не пошёл, хотя по сей день думаю об этом. Хочется сказать: ну какие мои силы? А вообще-то наших сил почти и нет в этих делах. Отец Сергий как-то сказал: «Порыв благородной души порой требует монастырской жизни». Такие порывы, по его мнению, происходят, потому что это гораздо выше всей мирской суеты. Пока я остаюсь, служу при хоре, в братстве. Главное – просить Господа, чтобы Он как-то научил спастись, а в нужный момент Он тебя куда надо определит.

Господь «крюконул» меня с помощью хора.

Перед Вами

Специальный проект «Поколения»

Друзья! Это наш десятый номер и это 28 коротких историй о людях, которые делают «Поколение».

Дальше в идеальном тексте хорошо бы прочесть: “Мы очень долго думали, каким должен быть проект о нас, ведь «десятка» – это юбилей и бла-бла-бла». Мы думали недолго, зато очень искренне. Ровно столько, сколько нужно для маленького знакомства с нашими душами.

Каждый из нас рассказал о самом сильном переживании в своей жизни. Итог – «ПЕРЕД ВАМИ».

Мария Дубровская

Когда идёшь с работы зимой, пробиваешься сквозь недружелюбные порывы ветра, смешанные с многочисленными уколами снежинок-ледышек, хочется лета. Летом можно сбежать с работы в обеденный перерыв и променять бледно-малиновый холодник в «Лидо» на шершавую лавочку в парке Горького около временно пустующего домика Деда Мороза. С размаху закинуть на неё сумку и во внезапно накатившей лени забыть про все запланированные дела на сегодня, сорвавшиеся встречи и ещё не оконченный рабочий день. Затылком чувствуешь твёрдую и неровную деревяшку скамеечной спины, а через закрытые веки вливаются потоки белого света не слишком изнуряющего, но уже почти горячего солнца. Его тепло постепенно проникает куда-то вниз и рассредоточивается в животе маленькими пушистыми комочками нескончаемой радости. И хочется верить, творить и решаться...

священник Григорий Беляцкий

Одно из ярких духовных переживаний в моей жизни связано с собственным крещением. Я родился и воспитывался в атеистической семье. О Боге впервые услышал от мальчишек во дворе, которых бабушки брали с собой в церковь или в костёл. Так началось моё познание Бога. В результате к 12 годам я чувствовал в себе твердое намерение стать православным христианином и посвятить жизнь служению Богу и людям. 3 марта 1990 года был ясный и солнечный день, меня охватывало волнение и трепет. В церкви меня встретил батюшка с добрыми и проникновенными глазами. Словами «Благословен Бог наш...» началось крещение. Во время совершения таинства я плакал до последней молитвы священника. А потом наступило состояние глубочайшего умиротворения, необычайной легкости и молитвенного обращения к Творцу. Часто в жизни вспоминаю эти благословенные минуты просвещения и рождения в жизнь Вечную.

священник Александр Гук

Как-то меня долго беспокоила обида. Я очень сильно хотел от неё избавиться, но у меня ничего не получалось. Тогда я начал каждый день молить, чтобы Господь очистил мою душу от этого болезненного переживания. И вот однажды, когда я шёл по улице, вдруг я чётко и ясно осознал, что обида меня абсолютно не беспокоит. Я даже испытал любовь к тому человеку, на которого недавно обижался. Именно тогда я на практике ощутил, что душа человека исцеляется только Духом Святым.

Сергей Пучёк

На заре 90-х папа сделал нам с братом подарок – купил на рынке месячного щенка. Помесь овчарки, назвали Диком. Собака была первая, так что мы были очень рады, что у нас появился новый, смешной и немного неуклюжий друг. В силу неопытности мы ничего не слышали о прививкахи и не привили малютку вовремя. Буквально через месяц щенка подкосила страшная болезнь. Он мучился несколько дней, и мы тоже, потому что понимали, что Дик при смерти и жить ему осталось совсем немного, так быстро он сдавал.

Но жизнь продолжалась. Как бы тяжело нам ни было, вечером одного из тех дней мы с братом, крёстным и его детьми решили сходить в кинотеатр на «Рэмбо», чтобы хоть немножко развеяться. Папа не пошёл с нами – остался с собакой. Не скрою, приятно было вновь увидеться со всеми. Постепенно всё мучившее нас забылось – в тот вечер мы смеялись, с детской непосредственностью обсуждали увиденное, ели мороженое, были на седьмом небе простого детского счастья. Домой мы вернулись радостные, но прямо с порога наткнулись на печальный взгляд отца. Он молчал, ничего не говорил. Пристально смотрел нам в глаза несколько секунд, а потом опустил взгляд. Ему и не надо было ничего говорить – мы всё поняли: Дика с нами больше нет.

Я корил себя за то, что не был рядом с нашим другом в последние минуты его жизни, весь вечер где-то пропадал, смеялся и пустословил. Вдруг стало страшно от осознания того, что так легко и просто, параллельно и совсем рядом могут сосуществовать жизнь и смерть, радость и печаль. И что, видимо, ничего несправедливого и циничного здесь нет, что так было и будет. Помню, как ощутил свою беспомощность и неспособность что-то изменить в этом порядке.

Из задумчивости меня вывела фраза отца: «Переодевайтесь в старое – пойдем хоронить». Помню, как наскоро завернули тело в какую-то тряпку, как голова Дика, вмиг ставшего каким-то далёким, всё же свесилась через отверстие и мерно покачивалась в такт шагам отца. Помню, как трудно было осознать, что в этом родном, но уже окоченевшем теле нет больше жизни.

Мы шли неспеша, молчали, каждый думал о своём. И тут с неба медленно одна за другой на нас стали падать снежинки. Большие и мягкие. Нам показалось это странным, ведь было тепло. Снегопад постепенно усилился так, что к тому моменту, когда мы пришли на условленное место в лесу и папа первый раз вонзил лопату в землю, голову Дика из свёртка с трудом можно было разглядеть – она была припорошена тающим снегом. Ничего больше не помню, кроме слёз первой в жизни утраты и фразы отца перед погребением: «Ребята, подождём немного, пусть Дик наглядится на свой первый и последний снег».

Переживание? Лучше значимое событие в жизни. Одно из таких событий произошло в декабре 2013-го. 19 декабря, в день памяти святителя Николая Чудотворца или Николы Зимнего. Утром мне нужно было снимать освящение Никольского храма. За ночь выпало огромное количество снега и, проехав пару метров от гаража, машина просто закопалась в сугробе – ни вперёд, ни назад. В надежде на чудо обратился с молитвой к Господу и Николаю Чудотворцу. Машину в момент просто вынесли из сугроба, я это прекрасно понимал и ощущал, потому что собственными силами выехать было нереально. Я успешно доехал, хотя дорога до Гродно была нечищеная, успел прямо к началу Литургии. Вот так. Благодаря этому событию я укрепился в вере Господней.

Татьяна Вахитова

Пожалуй, мои самые яркие впечатления связаны с нашей свадьбой. Может быть, банально, но они для меня незабываемы. До сих пор не понимаю, что происходило в тот день, и со мной ли. Белое платье, будущий муж в костюме, гости с улыбками на лицах, воздушные шарики, кольца. Эдакий «бросок» во что-то необычное и единственное в своём роде... надеюсь. Для меня это событие – сказка. Не потому, что я мечтала о свадьбе всю жизнь, а потому что день был наполнен неизведанным.

Для большинства прихожан собора это была самая обыкновенная Божественная Литургия. Но только не для меня. Хиротония мужа – вот что заставляло меня переживать так, как никогда ещё в жизни. Я думала о всей ответственности, которая теперь на нас возложена. О настоящем и о будущем. Это событие словно чертой разделило нашу жизнь на «до» и «после». Мой супруг теперь не только мой, он трудится во благо Церкви. Это сложно осознать и принять безропотно.

Ксения Качановская

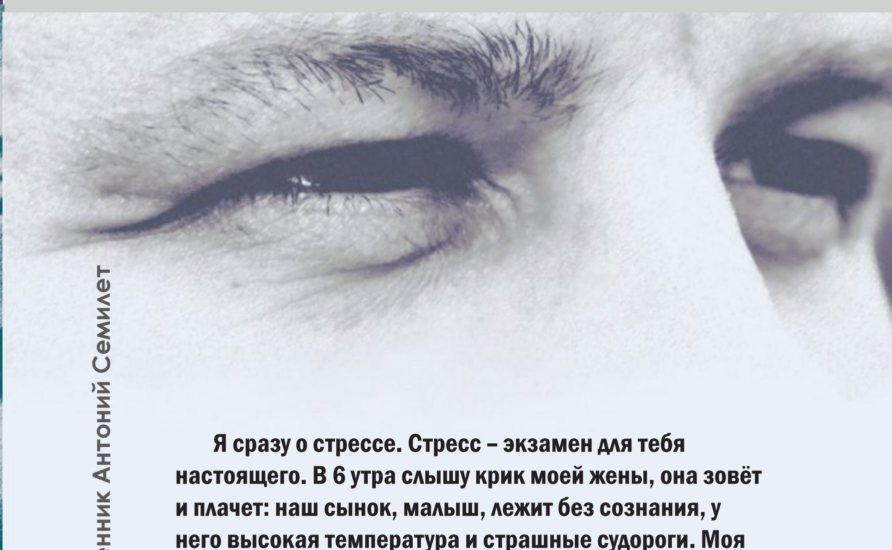
священник Вячеслав Гапличник

Очень глубокие впечатления в моей душе оставил художественный фильм «Лука» о святителе Луке, архиепископе Крымском (режиссёр Александр Пархоменко). Мы смотрели его в ноябре 2014 года в рамках молодёжного образовательного форума «Quo Vadis». Во время просмотра фильма все зрители в зале стали плакать. В фильме очень живо и ярко была раскрыта красота души и сила веры святителя-исповедника. Мне вдруг стало понятно, как сложно было святителю Луке служить, сохранять священство, заботиться о пастве и своих детях в страшное время гонений. Тогда я почувствовал и особую близость святого к нам, может быть, даже его невидимое присутствие в зале, рядом с нами. Вспомнились слова праведного Иоанна Кронштадтского о том, что святые приближаются к нашим душам, когда мы молимся им или думаем о них. И мы можем это ощущать.

Игорь Жданович

Алёна Вейник

Это Париж. Это я. Это кольцо на безымянном пальце – мы только что спустились с крыши Парижа, сидим в кафе «2 мельницы» безумно счастливые! Только что случилось невероятное: мой лучший друг, мой Андрей – опустился на колени и сказал самые главные, самые трепетные слова... Сначала я впала в ступор – такой уж у меня характер. Любимый не упустил момент и надел на палец колечко-вечность. Потом как умная девочка я сказала, что подумаю. А потом заплакала и согласилась! Моя жизнь, моё счастье, мой супруг – и мой Париж, вот что звенит в моём сердце, когда думаю о самых сильных впечатлениях в моей жизни.



священник Антоний Семилет

Я сразу о стрессе. Стресс – экзамен для тебя настоящего. В 6 утра слышу крик моей жены, она зовёт и плачет: наш сынок, малыш, лежит без сознания, у него высокая температура и страшные судороги. Моя мама натирает внука, я в спешке хватаю молитвослов и читаю всё подряд. Боже мой! Когда твоё родненькое вот так вот лежит и не откликается на слова и звуки – мысли посещают разные. Но, слава Богу, и молитва, и вовремя подоспевшая прихожанка-акушер с литическим уколом приводят всю нашу большую семью в радость об ожившем малыше. Так вот за один час я пережил всё: и страдание, и шок, и потерянность, и радость и блаженство от того, что всё прошло. Какой вывод? Да простой – цените, берегите тех, кто рядом, и даже если они не ваши близкие.

Алена Бабіч

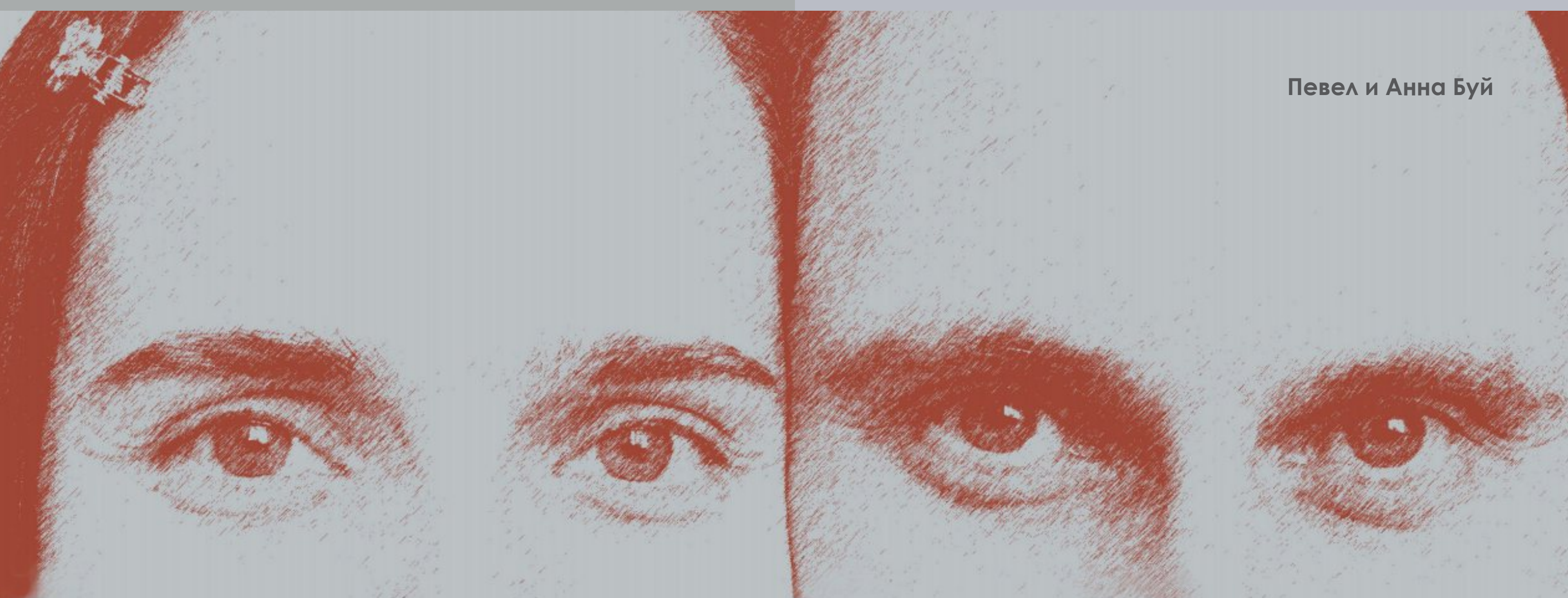
У маім жыцці было толькі два «гарадскія» Вялікдні. Астатнія дваццаць тры былі «вясковыя». З іх толькі адзін зрабіў з мяне хрысціянку. У нашай сям'і ёсць негалосная дамоўленасць – пакуль магчыма, будзем наведваць у вёсцы бабулю з дзядуляй на Свята Уваскрэсення Хрыстова. У Звераўшчыне амаль няма ўжо нават хатаў, не тое, што царквы, таму да храму трэба ісці ў суседнюю больш прадвінутую вёску. Часам хтосьці падвозіў, часам не ішлі, а гэтым разам пайшлі самі. Зоркі, цішыня, ліхтарык, жарты спадарожных бабулек. Не памятаю, што звышнатуральнага было далей, ці што было такога, чаго не было ў мінулым годзе, аднак набажэнства перапоўніла мяне радасцю вышэй краёў. У розуме была толькі адна малітва: «Госпадзі, дазволь быць толькі тут і толькі з Табою заўсёды». І пытанне: а што мне замінае? Гэта была адна з першых прыступак да хрысціянства, на якую раптам паставіў Гасподзь. Цяпер ужо нічога не магло пераканаць мяне ў іншым.

Ольга Аксёнова

Я разбила чашку. Из дорогущего и ценнейшего японского сервиза. Подаренного кем-то важнейшим когда-то давно. Кажется, мне было четыре или пять.

Чашка разлетелась на несколько частей, и я в ужасе смотрю на пол, где светятся осколки произведения посудного искусства. А мне всего лишь хотелось им полюбоваться. Теперь я лежу под кроватью в родительской комнате – в этой темноте легче спрятать свои неуклюжие пальцы. Меня мучает стыд, душат слезы, и сердце, кажется, стучит прямо об пол. Но никто не слышит моё сердце, все нервно бегают по дому в поисках пропавшей Оли. Скоро я выдам своё тайное убежище периодичными всхлипываниями, меня найдут, но, конечно, не накажут, только крепко прижмут к груди и успокоят.

Тогда я разбила чужую чашку – горе масштабов Вселенной, но всего на час. Сегодня на моём счету чужое сердце. Хотела бы я спрятаться от вины под кроватью, но кто меня там найдёт?



Певел и Анна Буй

Самое большое переживание в нашей жизни – это рождение нашего первого малыша.

Павел. В этот момент я как никогда ощутил себя пушинкой на ладони Господа. Как мало от тебя зависит, но как много может сделать молитва. Вся материальная суета, планы, «глянец» тускнеют. Это переживание и осознание повлияло на всю последующую жизнь.

Анна. Неизвестность. Надежда. Вера. Страх. Боль. Волнение. Сосредоточенность. За нас с малышом молятся – я это чувствую. Радость. Умиротворение... Счастье!!! Эти эмоции по силе своей могу попытаться сравняться разве что с рождением нашей второй малышки. Но всё же переживания не равны между собой.

Наша Ульянушка! Именно она открыла двери в эту неизвестность, впервые сделала нас Папой и Мамой. Это так необычно и ответственно. И мы уже никогда не будем такими, как прежде. Слава Богу! Это великое счастье – быть родителями!

Николай Байда

10 ноября 1996. Звук: заколачивают крышку гроба моего друга, состояние тяжёлое. Невоцерковлён.

Фераль 2009. Развод, алкоголь, тьма. Вовремя перекрестился однажды вечером, видимо, получил шанс протрезветь.Всё, кроме Света, стало неважно. Света, ради которого ты не загнулся в двадцать восемь как старик.

Утро 17 июня 2013 с девяти до полдесятого молитва дома, жена в роддоме. Проблемы со вторым ребёнком. Слава Богу… родила.

Николай Куксачёв

Самое глубокое и тихое переживание – это осознание того, что я стал папой. Причём оно всецело пришло ко мне, как ни странно, только со второго раза. Мужчины – они такие, им нужно хорошенько объяснить, чтобы они смогли прочувствовать. В первый раз мы прошли все мытарства анализов и обучающих курсов, но врачи всё же не пустили отца даже в предродовую палату. Во второй раз мы вместе с женой готовились в предродовой, и в родзале встречали сыночка вместе. Я перерезал пуповину, обмерял и держал малыша на руках почти весь первый час его самостоятельной жизни. Не было бурного взрыва эмоций, не было перепадов настроения. Было тихое и мощное осознание того, что ты стал непосредственным участником прихода новой жизни в мир.

Евгения Романович

Расскажу, какими глупыми могут быть наши переживания! Иногда это всего лишь игра нашего любимого «Я».

Занимаюсь капоэйрой. Как и в других единоборствах, капоэйристы получают пояса (корды). Каждый год в Минске проходит Батизаду – международная встреча капоэйристов, где люди получают корды и меняют их на более высокие, обмениваются знаниями, играют в капоэйру, танцуют самбу. И вот очередное Батизаду в Минске, но на этот раз мой уровень в капоэйре не поднялся: я много ленилась, пропускала тренировки, работала без энергии и интереса. Но решила ехать на Батизаду, чтоб вдохновиться и получить новую информацию в уши и тело. Меня никак не расстраивало то, что мне не дадут пояс, ведь я объективно понимала, что не заслужила. Но когда стали подходить люди и спрашивать: «А ты корду не меняешь?», «А почему тебе не дают корду?», «Ты ведь не расстроилась, что тебе не дали корду?», сложно было отвечать, особенно когда понимаешь причину. А вокруг праздник, веселье, улыбки. От этой счастливой атмосферы и дурацких вопросов мне стало плохо, я почувствовала, как в груди образовывается комок, слёзы стали подступать к глазам, я незаметно убежала и закрылась в туалете, потому что мне было стыдно признавать, что я хочу внимания, хочу, чтоб меня ценили, чтобы меня любили такой, какая я есть. Слёзы лились градом, не могла выйти из туалета, лицо было красное, страшное. Кто-то уже настоятельно стучал в дверь. Надела капюшон, открыла и вышла с решением: на вопросы: «Почему плачешь, что случилось?» буду говорить: «Мне не дали корду и моё «эго» решило взять внимание на себя, чтоб меня пожалели, сказали, какая я хорошая и прочее». От этого решения стало легче: когда признаёшь свои слабости и ошибки, не врешь себе, становится спокойнее на душе. Побольше бы таких ценных переживаний, когда мы начинаем понимать себя.

Александр Бабук

Пожалуй, самые сильные и светлые переживания в моей жизни связаны с первым Причастием. Было это в Оптиной Пустыни, куда я, будучи студентом, отправился вместе с компанией преподавателей-единомышленников. И вот помню, после исповеди во Владимирском храме иду на Причастие. Ещё ничего не знаю об этом Таинстве, перед принятием Святых Даров немного волнуюсь. Подхожу к Чаше, зачем-то меня просят сложить крестообразно руки на груди, произношу своё имя и принимаю Тело и Кровь Господа. После этого меня охватывает такая чрезвычайная лёгкость, что на радостях я «лечу» в магазин и покупаю пирожки с капустой и компот, чтобы, так сказать, это дело по-монастырски отметить. Только потом мне объяснили, что я должен был побыть в храме до конца Литургии, поцеловать крест в руках священника. После первого Причастия было ощущение, будто у меня выросли крылья, которые помогут мне в любую трудную минуту жизни, как бы подняв меня над окружающим миром. А при первом же столкновении с этим миром мне захотелось всех обратить в православную веру, поспорить или по крайне мере обязательно сказать кому-то, что он, мол, неправедно живёт. Казалось, что у меня чрезвычайно много физических и духовных сил. Эх, вернуться бы туда ещё! Теперь переживание уже другое. Тогда, можно сказать, было духовное детство, идеальное состояние, к которому человек при правильном отношении к вере должен периодически возвращаться.

Лилия Шмуратко

Говорят, что воспоминания о самых сильных переживаниях мозг умеет отключать – будто их и не было.

Когда я была подростком, младший брат – не крошечный мальчонка, а уже вполне высокий и тяжёлый парень, – вдруг вывалился из ванной в коридор. Дверь с грохотом распахнулась, а он без сознания застыл на полу. Я сначала не поняла, что случилось. Потом подбежала, стала его звать. Никакие правила первой помощи не приходили на ум, я просто понимала: мы одни дома, он лежит и не реагирует. УЖАС, УЖАС, УЖАС!

На самом деле, всё можно было объяснить: брат болел, поднялась высокая температура, была слабость. Он встал, чтобы прополоскать горло, и упал от головокружения на каких-то пять секунд. Быстро открыл глаза, узнал, что случилось, и пошёл отдыхать дальше.

А лет через восемь после этого случая Юра спросил у меня: «Помнишь, как мы были одни дома, и я потерял сознание?» А я не помнила. Вообще. Как будто он это выдумал.

Екатерина Осовская

За плечами – тяжеленный рюкзак, на улице – плюс тридцать, впереди – более 15 километров пешего пути, а на душе – радость и трепет. Доехала-таки, и иду вместе с тридцатью тысячами паломников в крестном ходу из Хотьково в Сергиев Посад. Вся Русь празднует 700-летие преподобного Сергия Радонежского.

Никогда и не думала, что однажды попаду к святому, о котором узнала в самом начале своего пути к вере. Совсем в другую паломническую поездку собиралась я тем летом. «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас!» – доносилась молитва крестоходцев с разных сторон и на разный лад. Несколько дней в палаточном городке, Литургия под открытым небом на Благовещенском поле и встреченный рассвет за ночной службой в Троице-Сергиевой лавре – такое не забывается.

Татьяна Лашук

Я заметила, что самые важные события в моей жизни переживаются приглушённо и даже слегка отстранённо, они гораздо сильнее ощущаются в предвкушении и в воспоминаниях. Зато в тот момент, когда я соприкасаюсь с Богом в молитве, исповеди или Причастии, я гораздо острее чувствую себя живой. До сих пор помню, как однажды, будучи подростком, почти в шутку открыла «Библию для детей», пытаясь получить ответ на очень важный личный вопрос. Ухваченная глазами цитата так ясно на него отвечала, что я вдруг поняла: Бог есть. Возникло почти физическое ощущение того, что с этого момента жить придётся как-то более ответственно, что ли...

Бетонный мостик через канаву был моим излюбленным местом. Сюда я приходила подумать и помечтать. И вот однажды прекрасным летним днём я сидела на этом мостике, свесив ноги, и слушала музыку. Любуясь природой, я с радостью обнаружила, что прямо под мостом образовалось чудное песчаное дно, а водичка чистая и прозрачная! Прямо-таки морской пляж.

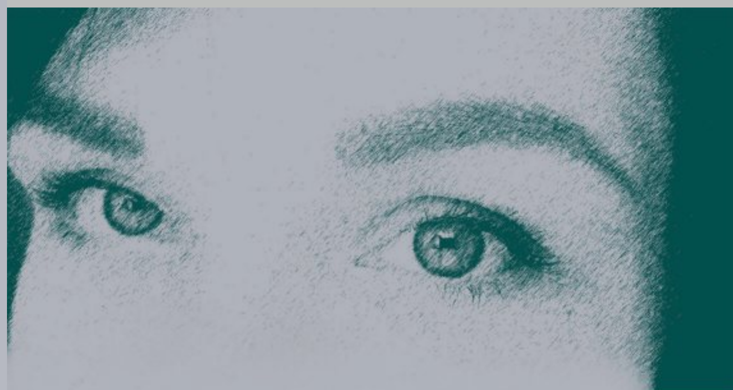
Этот песок принесло сюда течение, размывшее насыпь для конных повозок – её сделали ещё в начале лета, потому что бетонный мост был узковат для переправы. Как здорово получилось, ведь теперь можно спрыгнуть с моста, прогуляться по золотому песчаному дну и легко выйти на берег. Казалось, воды здесь немногим выше колена.

Предвкушая прекрасную прогулку, я аккуратно спрыгнула с моста, но приземлившись, вдруг с ужасом почувствовала, что мои ноги начали быстро погружаться в золотистый зыбучий песок всё глубже и глубже! Меня охватил жуткий страх того, что я сейчас погибну! Я дёрнулась, чтобы скорее выбраться из этой трясины, но как будто споткнулась о зыбкую землю и плюхнулась целиком в воду. Потом помню только корягу, за которую ухватилась...

Я поняла, что жива, лишь оказавшись в нескольких метрах от моста. Вся мокрая, с бешено колотящимся сердцем, я посмотрела на расстояние, которое преодолела, и поразилась тому, что я совершенно не помню, как это сделала! Моё сознание полностью отключилось, и лишь животный страх и инстинкт самосохранения пулей выбросили моё тело на берег.

Я залилась истерическим смехом. В нём была и радость, и понимание абсурдности ситуации, и сильнейшая доза адреналина!

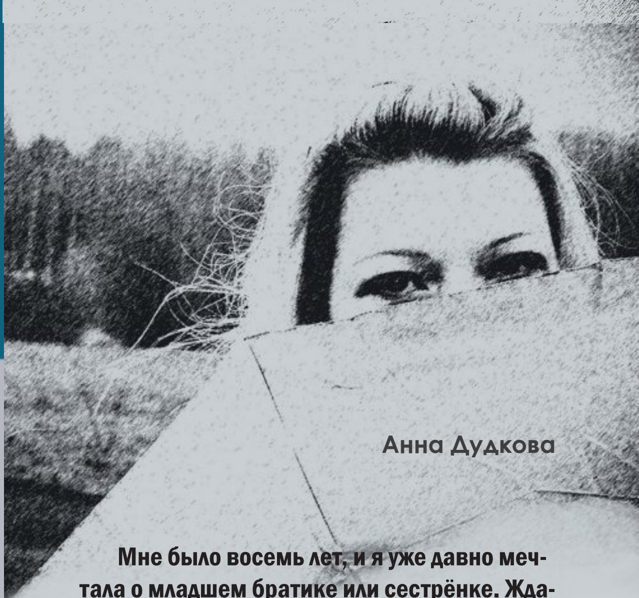
Екатерина Яковчик



В жизни никогда нельзя давать себя в обиду. Я не говорю о том, что нужно лезть в драку или до хрипоты доказывать свою правоту. Я говорю о нашем достоинстве, о внутреннем стержне. Многие хотят быть хорошими для других, нравиться, соответствовать ожиданиям. Именно под гнётом чужого мнения мы часто идём вразрез со своими взглядами, подстраиваемся, ломаем себя, улыбаемся, хотя хочется просто сбежать.

Могу с уверенность сказать, что мне удалось сбросить с себя эту безумную тягу к человекоугодию. Любить меня меньше не стали, а вот уважать, ценить и прислушиваться – да! Не бойтесь быть непохожими на большинство, ведь именно это формирует в вас личность.

Анастасия Авдей



Александр Семеняко

Лето! Дембель, экзамены. Всё позади! Не просто экзамены, а вступительные в ВУЗ. Не просто ВУЗ, а самый желанный. Желанный до такой степени, что пришлось изловчиться и демобилизоваться на два месяца раньше положенного срока. Вот оно счастье, заслуженное и долгожданное. Все горы сверну, всё, что пожелаю, будет моим! Двадцать лет. Здоровья, гордости и самолюбия, удали залихватской хоть отбавляй.

Оставался месяц до начала учёбы. Пришлось уехать помогать родственникам.

В одной из комнат, где проходила уборка, на глаза попалась странная книга – на обложке изображение иконы, которую видел, когда забегал в храм перед экзаменами, чтобы поставить свечку на всякий случай, и непонятное название – «Сын Человеческий», Александр Мень.

Открыв первые страницы, очень удивился: что это, исторический рассказ об Иисусе Христе? Потрясение было как гром средь ясного неба. Невероятное открытие. Шёл 1993 год.

Всю книгу прочёл позже, когда тем же летом попал в аварию, повредил позвоночник. Придя в себя после всех операций, вспомнил, что всё это время думал только об этой книге.

Анна Дудкова

Мне было восемь лет, и я уже давно мечтала о младшем братике или сестрёнке. Ждала рождения маленького с особым трепетом. В тот момент я была дома с тётей, папа – на работе. Помню, что к чему-то особенному мы тогда не готовились. Простой звонок в 20:45 обескуражил нас обеих: «Здравствуйте! У вас мальчик! 3,65». Слезы, радость, объятия... Невозможно описать эти чувства. Ну и, конечно же, момент, когда я увидела малыша впервые, тоже запомнится мне надолго. Маленькие ручки, самая красивая улыбка и невинный голосок «уа-уа».

Ольга Гункевич

Захватывает дух и тепло щемит сердце от присутствия в твоей грешной жизни Господа. Небесный Владыко с Любовью щедро одаривает тебя Своими Дарами, Своей Помощью и Попечением. Божии чудеса реальны и наполнены самыми сокровенными ожиданиями, овеянными детством и сказочностью. У Господа всё просто и необыкновенно, своевременно и непостижимо. Ты – получатель Радости Божией. Грешник, доверяющий всецело Отцу Небесному, по-настоящему, без страха и сомнений. Непрестанно повторяющий: «Верую, Господи, помоги моему неверию».

Ольга Агапонова

Дело было в Витебске на фестивале православной культуры «Одигитрия». Люди в тот вечер готовились к ночной Божественной Литургии. Все должны были собраться в монастырском храме в честь блаженной Ксении Петербургской. Но не собрались, поскольку церковь не вмещала всех желающих. Те, кто не попал в храм или не хотел тесниться внутри, молились на улице. Среди «уличных» была и я. Во двор вышел священник, вынес импровизированный аналой в виде стула (все остальные аналои были в храме) и начал исповедь. Сам по себе стул ничего не значит, но он стал в прямом смысле «опорой для грешников». Молитвенное внимание моё рассеивалось, а интерес к стулу почему-то только возрастал. Картина, которую я сфотографировала в своей памяти, до сих пор перед глазами. Тусклая ночь августа, которая подсвечивается одиночным храмовым фонарем, люди ожидают своей очереди. Первый исповедник подошёл к стулу, слегка наклонил голову, но тело само потянуло его стать на колени и склониться полностью – слишком низким оказался «аналой». Священнику ничего не оставалось, как только сделать то же самое. И вот они оба во влажной траве, на месте, куда не падал свет фонаря, становились участниками одного таинства. И не было в этом таинстве ни большего, ни меньшего. А через минут пятнадцать над тем же «аналоем», так же склоняя голову и сокрушаясь о своих грехах, каялся священник...

Алеся Петрашевская

Тёплые переживания связаны с недолгой, но очень важной для меня жизнью нашей первой собаки. Мы с Вовкой долго искали пса и нашли его за 300 км от его будущего дома. Пушистый толстопуз-медведь маламут по имени Баламут. Когда мы забрали наш семикилограммовый комок счастья, начался поток бесконечных и ох каких ярких переживаний: от первых прогулок и знакомства со всеми нашими, а в результате и его друзьями, до первой большой воды, мелких и не очень болячек и слюнявостей из-за смены зубов. Мне кажется, я помню почти каждый день, проведённый с ним. Его и мои чувства радости и грусти. Он знал, как поддержать своим мокрым носом и вдохновить на новые свершения преданным взглядом.

Мне очень хочется поделиться именно этим переживанием, потому что маленькая жизнь Баламута принесла много незабываемых эмоций огромному количеству людей. Не каждый человек за свою долгую жизнь способен принести столько же.

Прости нас, Балька, что мы не сохранили тебя.

Здесь должен был быть текст о радости, когда однажды я заметила, что мой неказистый и полуживой кактус начал расти. Вопреки условиям своей жизни и мне – тому ещё цветоводу. Но в момент, когда мысль, что называется, «попёрла», я по старой привычке решила сохранить уже набранный текст. В этот момент комп улыбнулся мне грустным смайлом, написал, что у него в голове случилась ошибка, он собирает о ней данные и будет себя перезагружать. С моим несохраненным текстом. Мораль сей басни такова: когда я занималась поиском в себе острого переживания, я это переживание пережила! Досада, отчаянье, гнев – всё, что характерно подобной ситуации – буйствовало во мне. А потом пришёл смех. Всё-таки у жизни неплохое чувство юмора. Именно такой я её обожаю.

Татьяна Петруцций

Самым сильным впечатлением в моей жизни был, увы, страх, испытанный в возрасте двух лет. Воспоминания из столь раннего детства всегда обманчивы. Никогда не знаешь наверняка, настоящие ли они или это лишь компиляция, составленная на основе чужих слов. Мне рассказывали, как я, маленькая, получила тяжелые ожоги и перенесла множество операций по пересадке кожи. Самым болезненным из того, что я помню, были перевязки. Однажды, опасаясь очередной пытки бинтами, я убежала от врачей и спряталась в шкафчике с чистящими средствами. Искали меня долго. Все это время я, скованная страхом, в окружении химической вони пыталась побороть душивший меня кашель. И когда голоса приближались к моему укрытию, сердце стучало так сильно, что, казалось, его слышит весь этаж.

PRO жизнь

Вы никогда не общались со смертным. Смертны нации, культуры, произведения искусства. Но шутим мы, работаем, дружим с бессмертными, на бессмертных женимся, бессмертных мучаем и унижаем.

Клайв Стейплз Льюис

фото Игоря Ждановича

ПРАКТИКА ОБЕЗДУШИВАНИЯ

или особенности светской психологии

Помнится, несколько лет назад в одной очень популярной газете была статья, в которой говорилось, что мать имеет право ненавидеть своего ребёнка. Речь шла о младенцах. Психолог говорил, что поскольку в первые месяцы жизни малыша новоиспечённым родителям часто приходится психологически сложно, то вполне нормально и даже полезно (!) для мамы иногда ненавидеть своего ребёнка. Задумайтесь: автор предлагал не бороться со своей раздражительностью и злостью на маленького беспомощного несмышлёныша, а НЕНАВИДЕТЬ его!..

С чудесного момента появления ребёнка в этом мире родители принимают на себя ответственность перед Богом за воспитание своего любимого чада. Ответственность на всю жизнь. И тут хочешь не хочешь, а папа и мама просто обязаны стать и врачами, и педагогами, и психологами, и культурологами, и богословами.

В современном мире грань между хорошим и плохим с точки зрения морали крайне размыта. Опускаясь в болото современной рекламы и модных вещей, можно столкнуться с пугающими предложениями реальности, которые выдаются за естественные. Например, китайский игрушечный автомат с надписью на упаковке «Убойный отдел. Подари радость своему ребёнку!». Интересно, что будет больше радовать ребёнка: сам факт наличия автомата или возможность пострелять из него в своих сверстников? Чем быстрее развиваются технологии производства игрушек, тем более похожими на настоящие становятся эти автоматы и тем больше радости они будут приносить... Или широчайший выбор кукол для девочек в виде существ с кожей подозрительно неживого цвета, кукол-мертвецов с упаковками в виде гробов. Эти куклы уже начинают вытеснять «прославившихся» Барби.

Иулиания и Серафима

фото Семьи Буй

Большинство подобных вещей встречается в самых, казалось бы, безобидных местах – детских магазинах. Поэтому родители могут решить, что это вполне естественно – поощрять такой выбор ребёнка. Продавцы, знакомые, родители могут выдавать опасные безнравственные элементы за само собой разумеющееся.

Один из интернет-магазинов детских товаров на своей странице сделал рекламу другому интернет-магазину, которая сопровождалась акцией:

«У нас розыгрыш!!! Мы вновь решили порадовать Вас нашими интересными штуковинами – победитель выберет сам себе приз из представленных ниже…» Далее следовали условия розыгрыша. «Счастливчика выберет генератор случайных чисел», – заверил интернет-магазин. Не все вещи там отличались глубокой нравственностью, но одна нас просто шокировала: в качестве подарка предлагалась белая подушка с кровавыми следами и топором. Для более красноречивого описания данной ситуации вкратце приведем наш диалог с администратором интернет-магазина детских товаров:

– За психику «счастливчика» не боитесь? Я уже про детей не говорю... Вообще, сознательное родительство от бессознательного отличается тем, что папа с мамой фильтруют информацию для ребёнка, осознавая ответственность и последствия любых решений и приобретений.

– Неужели все, у кого есть дети, должны чураться всяких прикольных штук?

– То, что вы называете «прикольными штуками» негативно влияет на психику. Какой смысл покупать вещь, чтобы прятать её от ребёнка?..

– Так не покупайте. Разве кто-то настаивает? Игрушки из секс-шопа тоже детям показывать не следует, я думаю. Вы их тоже считаете исчадием ада?

Без комментариев…

Родители должны во многом разбираться и многое знать, чтобы умело отделять зёрна от плевел. Родители должны быть щитом от всякой безнравственности, ведь все мы являемся свидетелями того, как опасные вещи становятся естественными. Родители, конечно, могут понимать истинное значение вещей, психика взрослого человека более устойчива к подобным «приколам» (хотя ещё неизвестно, какие сны будут сниться на кровавой подушке), но ребёнок, видя интерес родителей, склонен воспринимать всё всерьёз. А если вещь спрятана, то интерес к ней увеличивается, и без родительского контроля, когда ребёнок её найдёт, эффект может быть ещё страшнее.

Но проблема не только в вещах. Иногда бывает гораздо опаснее просто следовать советам специалистов в СМИ. Вот, например, что советует одно из современных изданий для родителей.

«Каждый день – это повод для радости, новых открытий и начинаний. Не верите? Тогда просим ознакомиться с нашим календарём!»

И далее в увлекательной форме родителям предлагают идеи. Например, как отпраздновать Хэллоуин: «Устройте свой семейный праздник: организуйте «комнату страха», станцуйте колдовской танец в темноте… мы предлагаем вам пройти по «тропе ужаса»! Возьмите 6 картонных коробок (далее следует инструкция о том, что в них положить), завяжите ребёнку глаза, чтобы он ничего не видел, и проведите его по коробкам. (А можете первым пустить по «тропе ужаса» папу!) Чем лучше вы подготовите «наполнители», тем больше эмоций гарантировано всей семье!» Интересно, что в предыдущем номере этого журнала были опубликованы советы, как победить детские страхи.

фото Семьи Буй

Какое влияние на развитие ребёнка оказывает следование подобным советам? Конечно, компетентный ответ на этот вопрос должны дать профессионалы – психологи. Мы доверяем психологам, веря, что они в силах нам помочь. Но тут родителям тоже надо быть очень внимательными, потому что не все рекомендации полезны, а некоторые совершенно не подходят православной семье. Светская психология не говорит человеку о греховности, не говорит о необходимости покаяния. Она занята созданием комфортных условий для личности. Тут вполне можно услышать следующее: «Не устраивает партнёр, у вас сексуальная несовместимость? – найди себе другого!» и т.п.

И вновь приведём пример из журнала для родителей: «Беспокойство, безмятежность, безразличие, бессилие, гордость, грусть, досада, злость, любовь, ликование… Список можно продолжать до бесконечности! Эта палитра цветов и оттенков делает нашу жизнь яркой! Нет чувств плохих и хороших, они все нам нужны – так же, как художнику необходимо многообразие красок. Но, к сожалению, многие из нас добровольно отказываются от использования определённых цветов». И далее психолог рассказывает, что надо проявлять «недозволенные» эмоции, т.е. злость, страх или печаль. Вот конкретные советы, как отреагировать на злость:

Устройте «большую стирку»

Пойдите в ванную, включите воду, бросьте туда бельё и постирайте его ногами! Топайте, злитесь, беситесь! «Заземлите» свой гнев.

Напишите письмо

Совсем необязательно указывать адрес, ведь оно уйдёт «в никуда». Положите перед собой лист бумаги и выплесните на него всё, что накопилось, без каких-либо ограничений. Потом лучше избавиться от этого письма, сжечь или порвать. И вернитесь к своим делам с чистой душой, сердцем, мыслями, а главное – с любовью.

Психолог предлагает преодолеть моральный барьер, который есть у человека: не подавлять негативные эмоции. А ведь моральные барьеры – словно карты в карточном домике: убрал одну – и остальные начинают сыпаться.

Получается – доверяй, но проверяй! Даже самые обыденные советы имеют свою целевую аудиторию. И, опираясь на тех или иных специалистов в процессе своего домостроя, необходимо отдавать себе отчёт: какое влияние в долгосрочном периоде будет оказывать какое-либо приобретение или совет. Особенно если это касается детей, душевная и духовная чистота которых может ставиться под угрозу вследствие неразумных поступков их родителей. Конечно, не стоит категорически отказываться от благ современного мира. Но не следует и забывать, что любое благо может таить в себе опасность. Такой подход можно охарактеризовать как ответственное родительство.

Таков наш выбор!

АЛЕКСАНДР СЕМЕНЯКО

СКАЗКА НА НОЧЬ

фото автора

Утром позвонила мама из Зельвы и попросила купить для подруги игрушку, невероятно модную и очень «интересную» – не то зомби, не то вампира. Звонок прозвучал в тот самый момент, когда Семён Петрович бубнил под нос утреннее правило, осеняя себя крестным знамением.

Ранние звонки от родни всегда нагоняли на него смешанные чувства. Что-то случилось? Так спросонья и не понял, чего от него хотели. Какая игрушка? Для чего она? Какие-то мультики? И уже совсем не выходила из головы фраза: «Ты только не пугайся, просто найди её, посмотри и сообщи, сколько это будет стоить».

Семёну Петровичу с детства нравились поезда и железная дорога. Железную дорогу, которую ему подарил отец на день рождения, он вспоминал с таким же трепетом, как и первое свидание со своей будущей женой. Это потом он стал интересоваться техникой, поступил в Минский технический ВУЗ и стал инженером.

Перезванивать времени не было, решил сразу по прибытии на работу залезть в интернет и, пока народ будет пить чай, собрать информацию об этой чудо-игрушке.

Удивлению не было предела. По ответам поисковых роботов Семён Петрович понял, что отстал от жизни лет так на пять. Весь просвещённый мир уже коллекционировал игрушки-упыри, строил «домики гробики» и наряжал на зомби-барби траурные одежды, а детки с умилением вели дневники смерти, весело перечитывая новый комикс «Быстрая смерть».

Первым делом Семён Петрович решил узнать цену и пообщаться с продавцами онлайн-магазинов, которые предлагали кукол.

– Добрый день. Кукла «Физическое мертвобразование» по цене 1 275 000 рублей для какого возраста и есть ли в наличии? – это он решил поразить консультанта своим вопросом.

– Здравствуйте. Куклы «Привет, Упырь» идут для возраста от шести лет. К сожалению, этой игрушки нет в наличии. У поставщиков её тоже нет, поэтому помочь вам мы не сможем.

– Где её производят? – не унимался Семён.

– Эта модель должна производиться в Индонезии, – вежливо ответила продавец интернет магазина «Упырьбай».

– Подскажите, какую из кукол можно подарить ребёнку в пять лет? Очень любит мультики про всякую нечисть.

– Если ребёнок уже всё понимает и нет вероятности, что он проглотит мелкие детали, то можно подарить любую игрушку. Можно посоветовать ту же, но из других серий. Образы и дизайн игрушек, входящих в эту группу, созданы по мотивам различных фильмов ужасов, фантастических фильмов о чудищах и упырях. Прообразами «Привет, Упырь» стали: Дракула, чудовище Франкенштейн, мумия, Медуза Горгона, зомби, оборотни, снежный человек, привидения и многие другие. Все эти модели игрушек созданы в основном для девочек, но и для мальчиков имеется кое-что.

Неплохо бы узнать о куклах у тех, у кого они уже есть, подумал Семён Петрович и отправился в бухгалтерию, где работали после декретного отпуска сотрудницы – молодые мамы.

У Натальи, которая обычно успевала выполнить свою работу и рассказать в соцсетях все новости компании, была дочка восьми лет. Семён уже не в первый раз собирался рассказать Наталье, что служба безопасности с самого первого дня проверяет всю её переписку, но всё время забывал. На этот раз он решил поговорить об этом и заодно узнать про игрушки.

– Как дела? Что нового в социальных сетях?

– Всё прекрасно, но я в рабочее время занимаюсь работой.

Семён Петрович улыбнулся, немного покраснел и как бы невзначай спросил о вчерашней горячей интернет-беседе на тему отдыха в Египте.

Наталья бросила на гостя удивлённый взгляд, насторожилась и спросила:

– Вы роетесь в моём компьютере?

– Нет, это делает служба безопасности, я к тебе не за этим пришёл. Меня интересует, есть ли у твоей дочери игрушка «Привет, Упырь»?

– Да, есть, нам подарили самую красивую из этих страшных чудищ.

– Играет с ней, не боится?

– Всего пару дней поиграла, больше в руки не берёт. Отношение как к обычной кукле.

– А сама ты ей такое покупала?

– Да нет. Очень дорого. Свекровь нам подарила, я сама покупать отказалась.

В этот момент к разговору подключилась Ирина, старший бухгалтер.

– Очень страшные куклы, как оригинальные, так и китайские. Своей дочке сказала, что они для девочек постарше. Моей дочке пять лет. В магазине мы стали перед стендом с разными куклами и сравнивали внешний вид страшилок с Барби, Мокси и Пони-девочами. Это имело эффект, ребёнок сказал, что другие намного приятнее выглядят. Куклы очень дорогие! Неоригинальные стоят от 800 тыс. и выше.

– Так это ещё и не настоящие куклы? – возмутился Семён Петрович. Ему так не хотелось идти в магазин и сравнивать, какие настоящие, а какие не настоящие.

– Оригинальные стоят от 400 долларов.

– К ним есть даже целый косметический набор! – подала голос главный бухгалтер Татьяна. – Не знаю, что и делать. Парфюм, который подарили лично нам из этой серии, я племяннице так и не вручила.

Главный бухгалтер была верующей женщиной, преподавала в воскресной школе. И все в компании с богословскими вопросами обращались к ней.

– Вот сижу и думаю, ведь не простой вопрос ты, Семён Петрович, затронул. Может, стоит узнать, кто эти игрушки допускает в продажу? – немного задумчиво произнесла Татьяна.

С первых дней работы в компании, после распределения из ВУЗа, Семён Петрович занимался сертификацией продуктов питания и бытовой химии. Контакты в БелГИМе (Белорусском Государственном Институте Метрологии) у него были, и он решил ими воспользоваться.

– Добрый день! – начал свой допрос Семён Петрович. Он знал, как нужно разговаривать с государственными служащими: нежно виляя хвостом и цепко держа за горло. – Скажите, как вас зовут, какая у вас должность?

Услышав ответ на другом конце провода, спросил, какие нужны документы, чтобы получить Сертификат соответствия на ввоз игрушек для детей, чтобы продавать их на территории РБ.

– Для того чтобы получить сертификаты, нужно подать заявку в БелГИМ, мы выдадим техническую оценку

– В Беларуси никто не проводит экспертизу по эстетическим нормам. Главная оценка – технические нормы и стандарты .

соответствия стандартам, отправим вас на гигиеническую экспертизу, и если все показатели будут в норме, то вы получите «Сертификат соответствия».

– И что, больше ничего не нужно?

– Нет.

– У меня очень страшные игрушки: уроды, упыри.

– В Беларуси никто не проводит экспертизу по эстетическим нормам. Главная оценка – технические нормы и стандарты.

Семён положил трубку и задумался: «Ведь не зря сегодня сказала Татьяна, эта «святая» женщина, что я затронул непростой вопрос». Он только начал воцерковляться, ходил в воскресную школу. Подумывал даже о монастыре, как чудно было бы от всего этого суетного мира сбежать в тишину монастырской ограды.

Думать и размышлять о Боге Семён Петрович стал после того, как, отправившись с «челноками» в студенческие годы за покупками в Китай, рухнул вместе с самолётом на взлётную полосу во Владивостоке. Самолёт так и не сумел оторваться от земли из-за перегрузки. Тогда Семёну показалось, что это случилось из-за жадности.

На занятия в воскресную школу приходил священник, рассказывал о духовном образовании. К нему в гости за советом и разъяснением и решил съездить Семён. Сказано – сделано: после работы отправился в Минское духовное училище.

Перед встречей решил прикупить печенье «постное» к чаю, забежал в гипермаркет, сразу при входе наткнулся на витрину с детскими игрушками: на первом месте стояли игрушки, о которых сегодня целый день думал Семён.

Со знанием дела обратился к продавщице со скромным бейджиком:

– Скажите мне, Юлия, как продаются эти страшные игрушки?

– Замечательно! – ответила Юлия.

– И родители не возмущаются?

– Нет, моей дочери 4 года, она тоже очень любит с этой куклой играть. Везде её с собой таскает, называет Катей.

– Вы сами как к ним относитесь?

– Очень миленькие существа. Дочка про них ничего не знала, я сама ей принесла и показала.

– Что посоветуете мне?

– Покупайте любую. Главное, чтобы вашей деточке нравилась.

– Да что-то они очень дорогие…

– Очень популярные.

Пообещав Юлии, что посоветуется с женой, Семён забежал в торго вый зал за печеньем, обратив внимание, что наборы кукол «Привет, Упырь», продаются с канцелярскими товарами совсем недалеко от сладостей. Очень удобно, мелькнуло у него в голове, расстановка товара по всем канонам. А вот паровозиков не было видно, для мальчиков – только киборги-убийцы, которые злобно смотрели на него, как бы говоря: «Покупай своё печенье и проваливай!»

В МинДУ встретили Семёна с радостью, напоили чаем и даже собрали на беседу преподавателей и учёных, позвонили своим знакомым многодетным родителям. Не ожидал Петрович, что тема такая серьёзная.

«Иди позанимайся монстриками»

Протоиерей Иоанн Задорожин. Председатель синодального отдела по работе с молодёжью в Белорусской Православной Церкви. Директор Минского Духовного училища. Кандидат богословия.

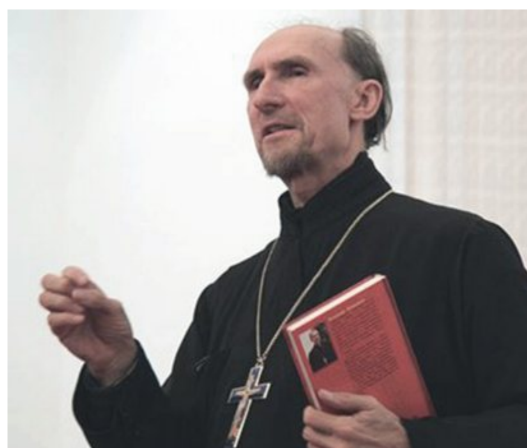
– Нужны игрушки, которые психика ребёнка будет нормально воспринимать. Не те, которые выпячивают половые особенности людей и травмируют психику, как, например, Барби. В возрасте 3-5 лет для ребёнка это непонятно. Игрушки должны быть нейтральными. Что касается «зомби-игрушек», то это откровенная бесовщина. Приучение детей к эстетике зла. Целенаправленное разрушение нашего молодого поколения.

В таком «воспитании» есть всё, кроме внимания и любви к ребёнку. Живут не христианскими ценностями, а антихристианскими, поэтому в душе чернота. Ребёнок не нужен, а воспитание рассматривается так: «Лишь бы отстал. Я после работы вымотан, я устал, мне нужно посмотреть сериал, иди позанимайся монстриками, планшетами, мультиками...» Чаще всего в таких семьях проблемы у мамой с папой. Взрослые варятся в своём котле, а дети – в своём. Очевидно, это зло. У людей потерян иммунитет ко злу, они клюют на него, покупая эти игрушки.

Священник Иоанн Задорожин

«В сочинениях отцов Церкви нет ни одного произведения об игрушках»

Протоиерей Владимир Башкиров. Доктор богословия, профессор духовной академии, заведующий кафедрой богословия и истории Церкви «Института теологии имени святых Мефодия и Кирилла» БГУ. Автор книг: «На пути к Богу: Слава Тебе, показавшему нам свет!..» (Беседы о вере и жизни), «Сын Божий – Сын Человеческий (Логос-Тропос Христа в творениях преподобного Максима Исповедника)».



Священник Владимир Башкиров

– Мне кажется, мы, церковный народ, не должны думать за людей, которые вне Церкви, потому что там мы не решим никакой проблемы. Нужно думать, как внутри Церкви рассматривать такие вопросы.

Мне приходится много заниматься вопросами истории педагогики, изучать святоотеческие произведения по этой теме. Так вот, там об игрушках вообще нет ни одного слова.

Есть контакт родителей с детьми, они постоянно находятся вместе, контролируют каждый шаг ребёнка, наблюдают за ним, и каждую перемену фиксируют.

Они должны с самого раннего детства приучать ребёнка к молитве. Как только раскроется его сознание, сообщать ему заповеди. Вместе с ним размышлять. Идёте вместе – не идите просто так, а посмотрите на небо, солнце и спросите, кто это всё сотворил, такую красоту, кто Творец всего.Игрушка – это подмена, к сожалению. Это попытка занять детей так, чтобы я не был занят.

«Тема смерти всегда присутствовала в детском мире»

Вероника Владимировна Сердюк. Председатель ОО «Центр поддержки семьи и материнства «Матуля». Магистр гуманитарных наук. Жена священника, растит пятерых детей.

– Если моим детям это подарят, сколько бы денег оно ни стоило, тотчас такие куклы и вещи с их изображением полетят в мусорку. В моём доме этого не будет! Это как порнография – выворачивает наизнанку, непотребно выставляет на всеобщее попрание интимнейшую и болезненную сторону человеческой жизни – угасание, разлучение души с телом, страдание, останки усопших. То, к чему раньше было таинственно-благоговейное отношение, теперь извращается, поругается. Ведь это не просто мертвецы, это вампиры – выдумка и искажение. То, что раньше в традиционной культуре появлялось во взрослых разговорах, в определённых ритуалах или праздничных обрядах, сейчас навязывается как модель для нормального детского поведения. Мы растим кого, мертвецов и вампиров?

Дети в возрасте от 3-5 лет примеряют роли: предметно-бытовые (например, представляют себя паровозиком или играют в кухню), сюжетно-ролевые (обыгрывают разные профессии) и особенно любят играть в семью. Очень важно не стыдить детей, когда они воображают себя папами-мамами. Наоборот, поддерживать и хвалить, интересоваться, как малыша назвали, восхищаться их пупсами и тем, как они хорошо своих «деток» кормят, поят, одевают. Не нужно говорить, что это мелочи, наоборот, теперь это важнее, чем интеллектуальные занятия или, скажем, чтение. В этом возрасте закладывается фундамент будущего семьянина и мамочки, подкрепляйте этот опыт.

С другой стороны, тема смерти всегда присутствовала в детском мире. Вспомните похороны домашних питомцев или случайно найденные трупики зверьков. В этом немного отталкивающем действии сплошное благоговение, горевание о смертности всего живого, забота об останках. Это особое переживание столкновения со смертью в реальности. А про что игры с куклами-мертвецами? Ответьте сами и спросите своих детей, если они вдруг попросят такую куклу или мультик. Тогда вы сможете объяснить малышам, что как человек, несущий ответственность за их психическое здоровье и интеллект, а также за их душу, вы считаете такие игры неприемлемыми и вредными. А если они хотят о мертвецах... Ну тогда давай на могилку сходим, почистим, украсим, помолимся, милостыню раздадим. Дома составим родовое древо до седьмого колена, вспомним славные и бесславные страницы истории своего рода. Вот это будет действительно о мёртвых.

Люди, которые считают, что эти куклы на прилавках – норма, не думающие, не рефлексирующие. Просто глупо покупать из соображения, что «у всех в садике такие есть». На это моя бабушка всегда грубо, но верно говорила: «Все пойдут топиться, и ты пойдёшь?» На то и родители, чтобы выставлять рамки, ограничивать детский произвол (или произвол индустрии), уберегать от угрозы.

Вероника Сердюк

Антон Серафимович

Это как порнография – выворачивает наизнанку, непотребно выставляет на всеобщее попрание интимнейшую и болезненную сторону человеческой жизни – угасание, разлучение души с телом, страдание, останки усопших.

Вероника Сердюк

«Парадокс: чем больше игрушек, тем больше нужно думать, чем занять ребёнка»

Антон Алексеевич Серафимович, преподаватель Минского духовного училища.

– Моё мнение: игрушек не должно быть много. Десятки их быстро превращаются в ровный археологический слой отходов. И все они равно нелюбимы. Выходит парадокс: чем больше игрушек, тем больше нужно думать, чем занять ребёнка.

Покупая ребёнку очередную машинку, родители освобождают себе руки. К сожалению, это стало нормой. Чтобы занять ребёнка, включают мультики на целый день, хотя в детском возрасте можно смотреть их не более 15 минут. Дети впитывают всё, как губка. Если взрослые могут дистанцировать себя, перевести что-то в смех или найти глупости рациональное объяснение, то ребёнок всё воспринимает всерьёз.

«Добро уныло и занудливо»

Олег Лепешенков. Телеведущий. Отец троих детей.

– Вспоминаю гарики Игоря Губермана:

Добро уныло и занудливо,
и постный вид, и ходит боком,
а зло обильно и причудливо,
со вкусом, запахом и соком.

Это четверостишие довольно точно описывает восприятие добра и зла современным человеком. Зло всегда ищет себе яркую обёртку, фантик, чтобы легче обмануть неопытных, особенно детей. Ведь наши детские представления самые устойчивые. Образы добра и зла мы черпаем из игрушек, книжек, мультфильмов. Действительно, герои становятся всё более инфернальными. Жизнь вне Бога начинает казаться бессмысленной и порождает в человеке тягу к небытию. А вампиры, ставшие столь популярными, – это и есть нежить, утратившая связь с истинным Источником Жизни.

«Хорошими делами прославиться нельзя» – убеждала нас в детстве старуха Шапокляк. Мы смеялись и верили, что старушенция с крысой Ларисой в сумочке, такая вредная снаружи, на самом деле добрая внутри. Вампиры и прочая нежить – зло по определению. Зачем же его делают привлекательным? Может быть, для того, чтобы всё больше людей вслед за отцом лжи повторило «Да будет воля МОЯ»?

Олег Лепешенков

«Эти игрушки – троянский конь, который тянет за собой целый эшелон дополнительных покупок»

Константин Владимирович Яцкевич. Психолог, кризисный психолог. Преподаватель нравственно ориентированной христианской психологии в МинДУ. Соавтор учебно-методического пособия по основам нравственно ориентированной христианской психологии.

– Человеческая душа – христианка по своей богосозданной природе. Ей интересно находить отражение не падшего мира, а отражение и проявление мира духовного, мира светлого, мира ангельского.

Эти игрушки – троянский конь, который тянет за собой целый эшелон дополнительных покупок: одежду, косметику, канцелярию. Целую демоническую философию. Это формирование матрицы взгляда на жизнь. На продукцию находится спрос, поскольку она является оригинальной. Распространение таких игрушек вытекает в первую оче-

Константин Яцкевич

Парадокс в том, что некоторые психологи находят оправдание этим игрушкам. Рассматривают их в качестве адаптации к страхам и злу. Но к злу адаптироваться нельзя, его нужно избегать. Зло нужно возненавидеть в самом себе.

Константин Яцкевич

редь из психологии маркетинга – продвижение продукции, ценностей, взглядов. Продукт связан с идеологией и философией. Глядя на этих кукол, можно сказать, что это форма продвижения брутальной и инфернальной философии.

Парадокс в том, что некоторые психологи находят оправдание этим игрушкам. Рассматривают их в качестве адаптации к страхам и злу. Но к злу адаптироваться нельзя, его нужно избегать. Зло нужно возненавидеть в самом себе.

За последнее время мир погружается в инфернализм, в демоническое пространство. Чтобы подавить в человеке внутреннее стремление к светлому, используются механизмы адаптации к современному брутальному и инфернальному состоянию мира. Делается всё, чтобы показать, что это естественно, с этим не нужно бороться, вы просто поиграете и привыкнете, это не будет вас шокировать и травмировать.

Но это работает иначе: такими приёмами человек искусственно заставляет замолчать собственную совесть, лишает душу чистоты. Перестаёт понимать, что происходит глубоко аморальное, глубоко не нормальное и глубоко порочное. Отторжения не возникает, потому что начинает работать механизм привыкания.

Люди, которые пекутся о чистоте и нравственности, духовности и культуре, должны чётко выражать своё отношение к этому. Оградить своих детей от этих игр, образов и стоящего за ним мировоззрения. Нужно понимать, что есть риск свободно допустить демонов в себя и договориться с ними через игры и игрушки.

Возраст младенца (до трёх лет) самый важный. На этом уровне формируются базовые структуры, которые потом по существу не переформатируются. Воздействие на этом уровне сознания и мировоззрения – это формирование мировоззренческой матрицы человека. До этого возраста ребёнок должен воспитываться особо бережно. То, что закладывается в его сознание, – это базовые информации, которые в дальнейшем структурирует всё древо психики. В психологии и нейропсихологии есть такой термин – «Запечатлевание». Стоит запечатлеть от рождения какой-то объект, и другой туда уже не войдёт, стереть его очень сложно. Задача родителей – чтобы там запечатлелся образ чистый, ангельский. Вот к чему нужно стремиться и проводить всеми возможными способами. Когда этим злоупотребляют, мир демонический начинает управлять человеком.

Если бы в Беларуси был действующий орган по нравственности, то я бы вступил в него и с удовольствием консультировал. В стране такой орган был создан – «Общественный совет по нравственности», совместный общественный орган, учредителями которого являются Белорусская Православная Церковь и Союз писателей Беларуси, но о нём не слышно.

В глазах смотрящего

Я познание сделал своим ремеслом,
Я знаком с высшей правдой и с низменным злом.
Все тугие узлы я распутал на свете,
Кроме смерти, завязанной мёртвым узлом.

Омар Хайям

фото Яны Захарян

ЕКАТЕРИНА ОСОВСКАЯ

ТАМ, ГДЕ КОТА ЗОВУТ ПРОСТО КОТ,

а манекен для одежды – Матильда…

«По мановению волшебной палочки старая одежда Золушки превратилась в прекрасное платье…» Наверняка на этом моменте сказки каждая девочка успевала пожелать встречи с такой феей. Сегодня детским мечтам суждено сбыться! Знакомьтесь – Алёна Вейник, молодой дизайнер, которая и без всякой волшебной палочки создаёт интересные образы. Сказочные и не только. К примеру, толстовская Анна Каренина или Фавн из «Хроник Нарнии». А ещё десятки платьев в стиле ретро-романтики. «Поколение» идёт в гости к современной фее, чтобы лично узнать, как оживает вымышленный писателями мир, поговорить о том, какая она – «православная» мода, и как хорошее платье меняет девушку.

фото Андрея Клышко

– Алёна, ты теолог по образованию. Как получилось, что занимаешься дизайном одежды? Вспомни, пожалуйста, тот самый день, когда всё началось.

– Историю надо рассказывать с детства, потому что никакого такого переломного момента не было. Когда мне исполнился год, я сделала свои первые шаги. И они были по направлению к шкафу. Открыла его, вытащила оттуда красивую «тряпочку» и, приложив к себе, якобы примерила.

– Что это была за «тряпочка»?

– Как рассказала моя мама, тряпочка была не самая яркая, но самая красивая. Подросла, шила одежду для кукол. Моё первое платье было из полиэтилена. Позже стала подбираться к маминым запасам ткани. А когда у меня родились четыре младших сестры, они стали моделями. Я шила для них и для себя, но никогда не думала, что буду этим профессионально заниматься. Считала, что не умею шить, и вообще я

теолог. Только люди стали сами просить: «сшей платье, как у тебя», «сшей юбку, как у тебя».

– А как ты одевалась в школе?

– Я училась в языковой гимназии, у нас был дресс-код: приходилось носить строгие юбки, пиджаки. Летом, конечно, уже отрывалась. Помню, тогда у меня была клетчатая юбка в складку, которую я носила с 8 по 11 класс и ещё пару курсов в университете. Все мои одноклассницы знают, что Алёна – это «клетчатая юбка». Если сейчас им её показать, скажут: «О, это же Вейник!»

– То есть она сохранилась?

– И в хорошем состоянии. Я её и сейчас иногда надеваю, когда совсем не знаю, в чём пойти.

– Ты её сшила на своей первой швейной машинке?

– Нет, мне подарили. Кстати, все свои вещи я сначала шила на маминой швейной машинке Kohler. Это что-то особенное. Старая немецкая трофейная машинка. Папа где-то достал её по знакомству. Одной рукой крутишь, другой шьёшь. Она очень нежная, буквы на ней полустёртые. Эта швейная машинка – моя любовь. Надеюсь, что мама мне её когда-нибудь подарит, хотя сейчас у меня новомодная Zinger с вышивальным блоком.

– Значит, шить – это у вас семейное?

– Точно! У меня бабушка хорошо шьёт, мама шьёт, сестры шьют. И даже мой папа в молодости сшил мне джинсы, блузку и палатку из парашютного шёлка.

– А как ты начала шить на заказ?

– Сначала я просто вышивала сорочки для своих крестников и друзей. Никогда не думала этим зарабатывать, пока одна девушка не попросила: «Мой папа старенький, он всю жизнь мечтал о такой сорочке». «Нет, не умею, не буду», – попыталась отказаться я. Но она всё-таки уговорила, за что я ей очень благодарна. Заработало сарафанное радио, люди стали приходить и заказывать у меня вышиванки. А потом ко мне обратилась одна молодая пара: невеста заказывала сорочку для своего жениха. Он увидел меня, как раз в платье, в котором я сейчас, и попросил сшить его невесте такое же. Я говорю: «Не умею, я не шью платья на заказ, только рубашки…» В итоге, конечно, сшила ей платье и подумала: «Так я, оказывается, умею что-то делать!» Два года назад с этого всё и началось.

Когда окончила университет, стала потихоньку придумывать образы для проекта «Эдельвейник». Стали приходить девушки. Это стало как-то развиваться. Тоже во многом само. К примеру, вчера друг мужа пишет: «Посмотри, я сделал для тебя сайт». Я рада, что занимаюсь своим делом, вижу в этом Промысел Божий. Не ставлю перед собой бизнес-цели: должна сделать столько-то моделей или заработать столько-то. Просто живу этим.

– В этом году ты дебютировала со своей первой коллекцией на VII Минском балу православной молодёжи...

Алёна Вейник

фото Яны Захарян

– Как-то мне написали организаторы бала. Они знали, что я занимаюсь дизайном одежды и при этом воцерковлённая православная христианка. Мы стали думать, что же можем показать, потому что отшить целую коллекцию в классическом понимании – что-то, объединённое одним цветом, идеей и стилем, – было дорого и некогда. Из готового подобрали платья, придумали историю к каждому платью-образу.

То, что мы сделали показ, – одно большое чудо! Я не ожидала, что будет так много людей, малознакомых и знакомых, которые предложат свою помощь. К примеру, пишет совершенно незнакомый человек в «ВК»: «Я фотограф. Я могу тебе помочь». Или: «Я ничего не умею, но могу прийти успокаивать моделей перед показом». Или: «Я могу поутюжить платья». А известное в Беларуси модельное агентство, причём совершенно бесплатно, устроило кастинг, на котором я выбрала моделей для показа. У нас было две репетиции, где они учились ходить именно в этих платьях, каждая в своём образе.

– Ты позиционируешь их как образы от «Эдельвейник». Что такое «Эдельвейник»?

– Когда я сделала группу в «ВК», чтобы люди видели мои работы, её надо было как-то назвать. Сижу и думаю, что же это может быть. Так, мне нравятся эдельвейсы, потому что это символ Австрии, а мой прадед из этой красивой горной страны. Эдельвейс? Слишком скучно… У нас есть свадебный салон – «Эдельвейс». Эдельвейсы, вейсы… Вейник… Точно: «Эдельвейник»! Потом познакомилась с маркетологом, и она мне объяснила, что я, оказывается, по всем законам правильно назвала свой проект.

– Как же работает «Эдельвейник»?

– Ко мне обращается девушка. К примеру, она говорит: «Я всю жизнь хотела почувствовать себя принцессой, или героиней романа Эриха Марии Ремарка «Три товарища», или Анной Карениной» – а я сейчас как раз это делаю. Итак, мы с ней садимся, и я её расспрашиваю, что её привлекает в этом персонаже, какие она цвета любит, фасоны. Мы всё обговариваем, и потом я создаю эскизы. Обычно это штук десять, наверное. Девушка выбирает тот, который понравился, потом ищем ткань, шьём, продумываем имиджевую фотосессию, макияж, причёску. Я подбираю фотографа, делаем съёмку, потом райтер пишет художественный текст. На выходе у девушки остаётся платье, красивые фотографии и текст, а также опыт сотрудничества со мной.

– Что это сотрудничество даёт девушке?

– Я не считаю свою работу чем-то выдающимся. Я просто делают то, что умею делать, и то, что я не могу не делать. Приятно, что это кому-то помогает. К примеру, сделала для одной девушки образ принцессы, а потом она мне пишет: «Да я теперь всегда чувствую себя принцессой! Я поняла, что это такое». Потому что это не просто платья. Общаясь с человеком, я пытаюсь понять его и с точки зрения психологии, сделать образ, который максимально раскроет именно эту девушку. Работать с людьми мне помогают знания, полученные на теологическом, – философия, психология, богословие.

И, конечно, ещё я очень хочу сделать всех девушек вокруг более женственными, милыми, спокойными. Мне иногда говорят, что платья этому способствуют. Но я не считаю, что раз ты надела милое

платьице, значит, уже стала милой девушкой. Хотя в какой-то степени так и есть.

– А кому нужна такая хрупкая женственность? Сегодня в мире культивируются совершенно другие образы, к примеру, образ бизнес-леди, далёкой от «тургеневских» барышень.

– У нас сейчас такое время, когда есть мужчины и мужчины. И я считаю, что это очень большая беда. Девушка сама за всё хватается, она впереди планеты всей, она отличница, она в семье первая... Вот как ей создавать семью? Как ей жить с мужем? Как острые моменты улаживать, если она всегда самая первая, самая умная, самая главная? Это сложно. Ведь Бог создал женщину женщиной, а не каким-то подобием мужчины. Женщина должна быть семейная, мягкая, нежная, красивая. При этом я понимаю, что есть разные темпераменты: есть девушки с деловыми качествами характера, но во всём этом можно находить какой-то баланс и всё равно оставаться женщиной вне зависимости от работы.

– А тебе удавалось помочь кому-нибудь обрести баланс?

– Девушка надела моё платье, изменилась и вышла замуж – нет, такого нет. Но в чём-то это действительно помогает. Например, могу рассказать о своей сестре. Она младше меня на шесть лети, кажется, всегда старалась тянуться за мной, немного меня превозносила. Но когда мы сделали ей на проекте «Литературные вечера» образ старшей королевы Сьюзен из «Хроник Нарнии», устроили имиджевую съёмку, наша общая знакомая написала мне: «Знаешь, а Таня изменилась, стала более спокойной, уверенной в себе, более женственной». Ничего себе, думаю, правда, работает!

– А что это за проект – «Литературные вечера»?

– Мы собираемся с друзьями и обсуждаем книги, заранее продумываем вопросы, игры. По произведению мы создаём образы. Каждому человеку – свой наряд. Это всегда импровизация, которую потом можно носить, а не просто сфотографироваться и повесить в шкаф.

Платья из первой коллекции

фото Яниса Страута

– Есть и мужские образы?

– Да. К примеру, мы делали образ Фавна для моего брата. Когда ты покупаешь в магазине синие чулки и знаешь, что это для мужчины, бывает очень весело. В целом пока занимаюсь женской одеждой, но здесь нет никакого принципа. Просто это мне ближе и более понятно.

– А какая она, православная одежда?

– Я считаю, что православной одежды не существует. Во-первых, что такое православная одежда? В православии нет шариата, который указывает нам носить, скажем, паранджу. Православная одежда – это та, которую мы носим каждый день? Тогда и джинсы – православная одежда.

Другое дело – одежда, в которой люди могут ходить в храм. Несколько дней назад я проснулась утром и нарисовала коллекцию из льна именно с таким концептом – «для православных барышень». Чтобы летом им было нежарко, удобно, при этом они выглядели бы стильно и современно. Мы уже даже закупили ткани. Это моя первая коллекция, которую я шью в одном стиле.

– В церковь – в длинной юбке и «бабушкиной» кофте, а в

университет – в стильных джинсах. Такая дихотомия не редкость. К чему такие противоречия могут привести? Как обрести Бога и не потерять себя?

– Лет в 17 я бы сказала, что это неправильно, поскольку должна быть цельность! Сейчас я так не думаю: если человек воцерковлён, старается жить по заповедям, честно, то что плохого, если он наденет джинсы? Ей по городу нужно колесить три часа, ведь не станет же она в джинсах менее смиренной. Для всякого места есть своя одежда.

Я всегда хожу сугубо в юбках и платьях. И это тоже не принципиально, просто мне так удобно. Единственное, что мне не нравится на девушках, это откровенные мини-юбки, лосины. Особенно если фигура не идеальна. Хочется подойти и сказать: «Наденьте юбку, вы будете просто красавицей».

– Бывает так, что выходишь из дома и хочется переодеть прохожих?

– Всех практически. Постоянно.

– Почему? Не умеют одеваться?

– Скорее просто не задумываются об этом. В нынешнем сезоне модно носить фиолетовые лосины и брюки-дудочки? Хорошо, все надели лосины и брюки-дудочки. Но надо понимать, что для тех же лосин нужны идеальные ножки. А если бы девушка знала, какой у неё тип фигуры, понимала, что её украсит, то она бы выглядела намного лучше в грамотно подобранной одежде. Раньше, до революции, жизнь была так построена, что в семье на примере своей мамы, тёти и всех остальных девочка видела, как надо одеваться, как подчёркивать свою красоту, изюминку. Теперь не так.

– И тебя мама тоже учила?

– Мама не говорила: «Одевайся красиво!» Нет. Просто она сама всегда старалась подбирать интересные вещи. И меня тоже всегда наряжала. У меня старший брат, а вот на второй доченьке – на мне – мама уже отрывалась. Это всё органично впитано в детстве.

– Что делать тем, у кого этого нет?

– Есть интернет. Даже если просто ввести в Google фразу «какой у меня тип фигуры?», или «как подобрать платье?», – это даёт сотни результатов. Другое дело, что человек не способен себя оценить, тогда нужно обратиться к тому, кто с этим поможет, подскажет, что подчеркнуть, что спрятать. Одежда может украсить любую фигуру.

– Любую?

– Думаю, да. Однажды ко мне пришла девушка и сказала: «Ой, я не знаю, что получится с этим образом. Мне шили выпускное платье, сказали, что сутулая спина». Как так? Что за сутулая спина? Надо просто подобрать правильный фасон! Сшили ей платье, она потом ещё за юбкой пришла. И довольна осталась. Часто люди просто прикрывают своё неумение, отсутствие опыта или вкуса такой вот негативной оценкой человека.

– А ты общаешься с другими дизайнерами, которые шьют в похожем стиле?

– У меня есть друзья, которые шьют, но не могу сказать, что кто-то шьёт в похожем романтичном стиле. Я как православный человек стараюсь подчеркнуть женственность. Не сделаю, к примеру, мини-юбку из красной лаковой кожи, а дизайнеры, как правило, ни в чём не ограничены, они стараются следовать модным тенденциям. И, на мой взгляд, это часто даже обедняет людей.

– Как обедняет?

– Есть такой принцип: чем уже рамки, тем лучше ты сделаешь вещь. И наоборот – чем больше свободы, тем сложнее выбрать самое лучшее. Есть жёсткие рамки: заданы определённые длина и стиль, и мне уже намного легче работать. Я знаю своё направление и стараюсь самообразовываться, искать новое.

– Лаковой короткой юбке – знак «стоп». А на что у тебя ещё табу в одежде?

– Мне сложно сказать. Ведь те же самые короткие юбки могут быть вполне приемлемыми дома. Почему девушке с красивыми ногами при своём муже не надеть такую юбку? Я не вижу в этом ничего страшного или порочного. И сказать, что у меня есть какие-то строгие-престрогие запреты, не могу. Скорее у меня есть ощущение стиля, которому я следую. Например, моё внутреннее чувство вкуса не позволит сделать вульгарную вещь.

– А какой стиль у тебя?

– Ретро-романтика. Мои платья очень романтичные, я часто вдохновляюсь идеями прошлого.

– А если брать современную романтику в платьях, то какая она?

– Это мой любимый силуэт нью-лук – приталенное платье с расклешённой юбкой. И, наверное, самые женственные платья в пол.

– А модные показы ты смотришь?

– Я не отслеживаю, что модно, к примеру, в сезоне осень-зима 2016, но часто могу рассматривать творения Ив Сен-Лорана или Диора. Мне нравятся их коллекции 50-х годов. Там практически все платья можно назвать православными. Потому что они скромные, женственные и очень красивые.

– А если проводить параллель с тобой и другими дизайнерами?

– Чаще всего я слышу о себе: «Белорусская Ульяна Сергиенко». Ульяна – российский дизайнер, работает в ретро-стилистике, создаёт штучные платья высокой моды. Это красиво, но стоит очень-очень дорого, около 10 тысяч долларов. Мне близок её стиль а-ля рус, женственный, нежный. Есть чем вдохновляться.

– Вместе с тем говоришь, что в твоих работах есть элемент катехизации. В чем он проявляется?

– Здесь работает, наверное, общее правило: люди привыкли, что православные – это нечто бесформенное, смотрящее в пол и даже, я бы сказала, сердитое. Думаю, если люди будут видеть красивых девушек в современных платьях, которые выгодно отличаются от общей массы, то это уже будет какая-то проповедь. А если все ещё будут знать, что девушки православные! Очень часто смотришь на кришнаитов: они весёлые, улыбаются, всегда рады поговорить. Православным можно у них этому поучиться.

– Но это скорее работа внутренняя.

– В то же время человек состоит из души и тела. С душой я не могу работать, потому что я не священник, а вот телу стать красивее я могу помочь.

– Откуда, Алёна, черпаешь идеи и вдохновение?

– Из искры.Толчок может дать практически всё что угодно. Книги, фильмы, живопись, фотография, ткань. Главное, чтобы была красота – отблеск райской красоты.

– А красота ведь не бывает без гармонии.

– Да, в себе нужно иметь мир и гармонию. Кроме Церкви поддерживать её помогает моя семья, муж.

P.S.: Кстати, первый комплимент, который Алёне сделал её муж Андрей, был как раз по поводу одежды. «Какая красивая юбка», – заметил молодой человек, когда мимо него проходила Алёна в лёгкой, развивающейся шифоновой юбке в цветы.

фото Андрея Клышко

А СКОЛЬКО ОТТЕНКОВ У БЕЛОГО?

фото Игоря Ждановича

После чтения этой книги у меня осталось неприятное послевкусие. Словно я пришла в очень модный и дорогой ресторан, с восторгом разрекламированный знакомыми, а вместо коронного блюда от шеф-повара мне с любезной улыбкой принесли несвежий хот-дог, которым недолго и отравиться.

Нет, я не жалуюсь: ведь заранее знала, что нашумевшую книгу Э.Л. Джеймс «Пятьдесят оттенков серого», игнорируя принцип «не бей лежачего», пинал даже самый ленивый критик. Профессиональная критика с наслаждением распотрошила всё, что было спрятано под обложкой, – и древний сюжет о Золушке, и примитивный язык, и приторные литературные штампы. Но читала я из упрямства, чтобы не подпевать на тему «Я Пастернака не читал, но осуждаю...». И неожиданно книга, успех которой закрепила и неизбежная экранизация, показалась мне частично схожей с действительностью, захотелось невесело поразмышлять вот о чём.

Собственно говоря, роман начинается с депрессивных рассуждений Анастейши о том, почему она так не любит себя: здесь и неброская заурядная внешность, и двигается она неуклюже, и одевается плохо. Но главная причина такой заниженной самооценки в том, что героиня в свои двадцать пять лет все ещё девственница. Таким образом автор, которого журнал «Time» в 2012 году включил в свой ежегодный список «Сто самых влиятельных людей в мире», отправляет в миллионные массы своих читателей явный месседж: девственница – это неудачница, презираемая лохушка, ей нет места на празднике жизни. Зато вот молодой и уверенный в себе миллионер Кристиан Грей, постигший все тонкости BDSM-отношений и

предлагающий своей girlfriend секс по контракту, – это уже «положительный» образ благородного Принца из сказки XXI века.

Какая метаморфоза! «Относительно девства я не имею повеления Господня, а даю совет, как получивший от Господа милость быть Ему верным. По настоящей нужде за лучшее признаю, что хорошо человеку оставаться так» (Кор.7:24 –26)– так написал в своем послании апостол Павел в начале христианской эры. Тогда вопрос стоял вообще о том, что лучше для христианина – сохранение девственности или всё-таки супружеская жизнь в браке. В XVII веке во Франции (в эпоху уже намечавшейся свободы нравов) вышел любовный роман «Клелия» писательницы Мадлен де Скюдери, в приложении к которому прилагалась знаменитая карта «Страны Нежности»: согласно этому остроумному путеводителю, влюбленные долго идут к взаимному сближению, обязательно проходя через такие географические пункты, как селения Изящное Стихотворение и Любовное Письмо, а также города Уважение, Обязательность, Верность и т.д. Ну а в XXI веке общество, даже именуемое христианской цивилизацией, упростило сексуальные отношения вне брака чуть ли не до непринужденности рукопожатия и научилось ловко оперировать красивыми обтекаемыми словами. «Я с ней живу в гражданском браке» – это звучит лучше, чем «а это моя сожительница».

Но ведь и в самом деле. Он остро существует, этот болезненный триединый вопрос. Вопрос самый животрепещущий для любого подростка лет с ...надцати. Вопрос «С кем? где? когда лишиться девственности?». И хронологические рамки тут тоже имеют своё значение: в шестнадцать лет хранить целомудрие в среде не хранящих его одноклассников считается наивностью, в двадцать лет в студенческой среде уже становится глупостью, а после двадцати пяти с точки зрения современной молодежной среды с тобой явно что-то не так. А мы даже с православным воспитанием или вбитыми в голову тезисами уроков церковной школы всё равно хотим быть как все, потому что быть инородным – это значит барахтаться в пугающе пустом пространстве вокруг себя. Однажды я читала письмо в один православный молодежный журнал, написанное уже совсем отчаявшейся девушкой, и там впору было по адресу направлять бригаду психологов, а не богословские комментарии священника, холодноватые, как пространные рассуждения любой теории. Зацикленность на теме «а я ещё нет, и потому себя не люблю...» способна порождать не только философские мировоззренческие проблемы, но и вполне клинические случаи – от депрессии до неврозов.

Спешащая на вечернее богослужение девушка в длинной юбке может с завистью проводить взглядом проходящие мимо беззаботные парочки, которые иногда даже не скрывают своё любовное томление. Что тут сказать? Перестаньте завидовать тем девушкам, которые легко живут сексуальной жизнью и не считают своих партнеров: это только ваш далекий взгляд со стороны, вы не узнаете, как в большинстве случаев эти самые девушки от жалости к себе плачут ночами в подушку; вы не увидите, как они нервничают на приеме у гинеколога; как потом они могут быть несчастливы в браке, очень сильно простимулированном беременностью невесты, или как они вскоре приобретают статус матери-одиночки в активном поиске.

Время материального и чувственного потребительства неизбежно накладывает на нас свой отпечаток. «На самом деле очень часто мы умеем только лакомиться человеческими отношениями. Мы думаем, что любим человека, потому что у нас к нему ласковое чувство, потому что нам с ним хорошо...» – верно подмечает митрополит Антоний Сурожский в своей проповеди «Таинство любви». Апологеты свободных отношений до брака часто в дискуссию в качестве аргумента приводят своего заезженного конька: мол, надо обязательно проверить «сексуальную совместимость» до брака, а то потом что, всю жизнь мучиться?! Тут дело даже не в том, что христианство против того, чтобы человеческая личность выступала в качестве пробника – с ней/с ним попробовал(а), не понравилось, прохожу мимо. А в том, что физиологическая сексуальная несовместимость встречается ну крайне редко, только при исключительных патологических особенностях, а вот психологическая совместимость с малознакомым, нелюбящим и нелюбимым партнёром, – явление куда более частое.

Рассуждая на эту тему, я неизбежно упомяну очень красивое, несущее глубокую смысловую нагрузку, но уже архаичное слово – целомудрие. Тут я опять предоставлю слово митрополиту Антонию, потому что лучше него всё равно не скажешь: «...целомудрие заключается в том, чтобы с мудростью хранить цельность своей души и души другого человека. И в этом смысле целомудрие лежит в основе брака, не только душевных отношений, но и телесного взаимного отношения, потому что оно исключает грубость, голод, жажду телесного общения и превращает самое телесное общение в благоговейное соединение двух людей, когда соединение тел является как бы завершением той любви, того единства, кото-

рое живёт и горит в их сердцах и в жизни... Когда два человека могут друг на друга смотреть и видеть взаимную красоту как святыню, которая им доверена и которую они должны не только сохранить, но довести до полного совершенства». Вот так высоко поднята планка отношений мужчины и женщины в христианстве – и если ты личность, то приходится к этой планке тянутся, а если нет желания и сил, то выходит только ползти под ней на четвереньках, а это уже признак животного. Иными словами, в целомудрии заключается взаимное уважение к другой личности в её сложном трехсоставном бытии дух-душа-тело, и телесные отношения только закрепляют максимальную физическую, духовную и социально-бытовую близость, которая возможна только в браке. Христианство против расчленения человека на нужные или ненужные части: кроме привлекательных биологических половых признаков приходится получать в нагрузку и склонность к истерикам или деспотичность, раздражающую привычку засовывать колобки грязных носков в укромные места или часами по телефону обсуждать с подругами всё на свете – от нового платья до самых интимных тем.

«Grau, teurer Freund, ist alle Theorie Und grim des Lebens goldner Baum» – «Суха, мой друг, теория везде, А древо жизни пышно зеленеет!» – это язвительное замечание из немецкой классики стало афоризмом. Да уж, Древо жизни действительно пышно зазеленело на почве умершей морали и густо увешано своими плодами: скоротечные браки, аборты, СПИД и венерические болезни, беременности девочек-подростков.

Вспоминается, как однажды у меня с одним священником состоялся очень доверительный разговор: знакомый молодой человек долго за мной ухаживал и давил – а когда же, так сказать, десерт межполовых отношений? Я не была уверена, что люблю его, и рассказала про эту ситуацию батюшке. Нет, он не стал меня категорически отговаривать и стращать адскими муками или ужасными последствиями псевдонаучной телегонии. Он с воодушевлением мне сказал: «Нет, Татьяна, не надо, не спеши. Если бы ты только знала, какую радость, счастье дарит обладание твоим любимым человеком!» В этих словах было столько предельной, личной искренности и честности, что я себе сказала: «О да, что-то в этом есть!» И не стала спешить. Я поняла, что это мы живём по часам, а Бог действует для нас в своём времени.

Я хорошо запомнила один почти анекдотичный случай, которому я стала свидетельницей. В автобусе возле компостера стоят и весело болтают две тинейджерки, одинаково сочно накрашенные и очень похоже одетые в типичные джинсы-майки. Бабушка обращается к одной из них и тянет талончик с обычной просьбой: «Девочка, пробей талончик!» Та отворачивается к своей подружке и возмущённо бубнит себе под нос: «Я не девочка, я женщина!» – и обе понимающе хохочут. «Ну и дура!» – чуть не срывается у меня с языка. Но я сдерживаюсь, ведь нельзя обижать детей. Они уже обидели себя сами.

Кстати, прочитать всю трилогию я так и не смогла: мозг зависал и спрашивал: что это такое?! Но знающие читательницы-подружки уверяют, что в конце концов бедная Настя и богатый Кристиан все-таки поженятся и их отношения увенчаются браком. Вернее в данном случае сказать – брачными оковами и лязгом цепей Гименея...

фото Игоря Ждановича

Журнал "Поколение"

№ 1 (10) 2015

Издаётся по благословению
Высокопреосвященнейшего Артемия,
архиепископа Гродненского и Волковысского

Учредитель: Гродненская епархия Белорусской Православной Церкви Московского Патриархата

Свидетельство о государственной регистрации средства массовой информации № 1630 от 23. 05. 2013, выданное Министерством информации Республики Беларусь

Попечитель: иерей Антоний Семилет

Главный редактор: Елена Бабич

Редакционная коллегия: Ольга Агапонова, Ольга Аксёнова, Певел и Анна Буй, Мария Дубровская, Екатерина Осовская, диакон Дмиртий Павлюкевич, Лилия Шмуратко, Екатерина Яковчик

Компьютерная вёрстка: Елена Бабич

Корректор: Лилия Шмуратко

Авторы статей номера: Елена Бабич, Павел и Анна Буй, Мария Дубровская, Татьяна Лашук, Екатерина Осовская, Александр Семеняко, священник Антоний Скрынников, Наталия Субаева.

Использованы фото: Елены Бабич, Павла и Анны Буй, протоиерея Алексея Васина, Татьяны Вахитовой, Игоря Ждановича, Яны Захарян, Андрея Клышко, Николая Куксачёва, Владимира Лебецкого, Александра Семеняко, Яниса Страута, Ольги Шабунько, fishki.net.

Адрес: Республика Беларусь,
230023, г. Гродно, ул. Ожешко, 23

Электронный ящик редакции:
pokolenie-red@tut.by
Электронный адрес: pknews.by
Адрес "Вконтакте": vk.com/pokolenie_by

Журнал "Поколение" №10
Подписано в печать 04. 05. 2015.
Формат 60х90/8. Бумага мелованная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 7,50. Усл. изд. л. 12,60.
Тираж 550 экз. Заказ 6322.

Гродненское областное унитарное полиграфическое предприятие «Гродненская типография».
ЛП № 02330/0552745 от 25.02.2009.
Ул. Полиграфистов, 4, 230025, Гродно.

Почему мне никто не говорил обо всем этом? Как легко я осудил бы другого в такой же ситуации? Я мог бы сказать: «Он оправился после своей утраты. Он стал забывать свою жену», а истина вот в чем: «Он помнит её лучше, потому что он частично оправился». И это факт. Мне кажется, я могу объяснить, почему это имеет смысл. Вы не можете ясно видеть, если ваши глаза затуманены слезами. И вы никогда не получите именно того, чего вы хотите, если вы слишком сильно хотите, а если даже и получите, то не сумеете толком распорядиться полученным.

Клайв Стейплз Льюис
«Боль утраты»

Марина Цветаева
Уж сколько их упало в эту бездну...

К вам всем – что мне, ни в чем не знавшей меры,
Чужие и свои?! –
Я обращаюсь с требованьем веры
И с просьбой о любви.

Электронный адрес: **PKNEWS.BY**

Подключайтесь к обсуждению номера «Вконтакте»
vk.com/pokolenie_by